

Алексей Буйлов
Корпус "Витрувий"

https://litres.ru/75028108
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир далёкого будущего. Человечество переселилось на другую планету, где живут гигантские разумные киты Элдерлонги. Это мир высокоразвитых медицинских и компьютерных технологий, царство имплантов и чипов. А где есть импланты и чипы, там есть нейропротезная преступность, бороться скоторой призван оперативный отдел "Витрувий". Главные герои – это три опытных, потёртых жизнью "витрувианца": ветеран войны Коля Тютчев, полукиборг - получеловек Петя по прозвищу Танк и молодой паркурщик Рустам, бывший полицейский. Вместе они должны будут раскрыть серию подозрительных происшествий, в которых замешаны люди с имплантами, и предотвратить неизбежную катастрофу на праздничном мероприятии по случаю парада военной техники, где будут присутствовать первые люди государства. Удастся ли ребятам раскрыть таинственного злодея раньше, чем он осуществит свои коварные планы?

Алексей Буйлов
Корпус "Витрувий"

Корпус “Витрувий”

Оглавление:

Про-
лог .....
Глава 1
……..
Глава 2
……..
Глава 3
……..
Глава 4
……..
Глава 5
……..
Глава 6
……..
Глава 7
……..
Глава 8
……..
Глава 9
……..

Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Эпилог
62

Пролог

Лера Махнова сидела на лавочке в ботаническом саду “Оранжерея” в ожидании свидания. Мама всегда её учила, что приходить первой на романтическую встречу – это мове-

тон. Первым обязательно должен приходить парень, а девушка всенепременно должна опоздать хотя бы минут на пятнадцать, не меньше, однако Лерочка ничего не могла с собою поделать. Сейчас, во время летних каникул ей попросту было скучно сидеть дома, да и собираться долго она не любила. Подвела себе слегка реснички тут, подкрасила губки немного там, надела своё любимое апельсиновое платье, – и дело с концом. Зато, пока девушка ждала своего Артёма, кудрявого любителя котов и выпечки из приложения для знакомств, у неё было время осмотреть сам сад, в котором она до этого ни разу не бывала.

Говорят, давным-давно, ещё на Старой Земле, ботанические сады создавались исключительно для прогулок парами и любования редкими видами растений. Теперь же ботанический сад – это был самый настоящий город в городе, раскинутый под огромным стеклянным куполом. Великое множество кафетериев, парочка отличных ресторанов с изысканной кухней, зоны для отдыха и танцев, поющие фонтаны, разнообразные аттракционы - от детских невинных каруселей и до жутких американских горок. И, главное, магазины! У Леры голова закружилась от такого обилия бутиков. Казалось, даже на центральной улице Новой Москвы не было столько оглушительно дорогих магазинов с вызывающе-красочными витринами и голографическими вывесками. Куда там интернет-дискаунтерам с их бездушными фотографиями! Здесь буквально каждую туфельку можно было потро-

гать, повертеть так и сяк на свету, примерить на кожаном пуфе и поймать на себе холодный взгляд продавщицы, которая прекрасно понимала, что ничего ты у неё не купишь. И всё же подразнить эту чопорную женщину с утянутым пластическими операциями лицом было особенно приятно.

Но, похоже, Лера была не единственной, кто сегодня дразнился. Её Артём бессовестно опаздывал уже почти на полчаса, и тоскливое ожидание на лавочке начало девушку откровенно раздражать. “Пошёл к чёрту этот котофил! Буду я ещё тут ради этого опоздуна высиживать! – подумала она совсем неэстетичным для восемнадцатилетней студентки образом. - Где он там шляется? Пирожные что ли на телефон фоткает? Всё, ещё пять минут, потом беру и ухожу!”

В этот момент, будто почувствовав раздражение своей подруги из приложения для знакомств, на горизонте появился он – Артём. Лера даже со смехом подумала, а не обладает ли она телепатией, настолько удачно всё совпало: её мысленный ультиматум и его внезапное появление. “Что ж, всё может быть. Я девушка не без талантов”, - задорно решила она, оправляя низ своего платьица и готовясь встречать долгожданного любителя булок.

Лера его моментально узнала: фотографии и гифки в онлайн анкете не врали. Он шёл к ней со стороны станции монорельса. Неспешно так шёл, подлец, фланировал вдоль тех самых магазинов. Её возможный будущий парень явно не знал, что такое пунктуальность. А ещё он, видимо, не знал,

что такое твёрдая мужская походка, потому как, проходя мимо ремонтника с протезом-пилой, он почему-то запнулся и чуть было не упал. Ладно, не беда. Девушка его всё равно не за походку из тридцати остальных выбрала.

И тут её молодые цепкие глазки разглядели причину, по которой паренёк пошатнулся. Во всём оказался виноват проклятый ремонтник, что резал, склонившись, тротуарный камень. Он, похоже, каким-то образом задел её непунктуального кудряша своим протезом-пилой, из-за чего юноша вдруг потерял равновесие и шлёпнулся на каменный пол. "Ах!" – беспокойно выдохнула Лерочка, и бросилась своему "опоздуну" на помощь, забыв обо всех обидах. Но почти сразу же остановилась, потому что увидела нечто поразительное. У парня, который всего лишь мгновение назад был цел и невредим, оказалась по щиколотку срезана левая ступня. Вот так: была и нет её, точно в видеороликах с особо изощрённым монтажом. С одним лишь исключением: это всё было взаправду. Артём по-настоящему корчился от боли с глазами, полными первобытного ужаса. Из его открытой раны, гладкой точно поверхность стекла, фонтаном била тёмно-красная кровь, и она тоже была вполне себе реальной. И ремонтник с протезом-пилой - он тоже не был спецэффектом. Он уверенно шёл к ней, помахивая своим ампутирующим инструментом, и довольно бодро сокращал дистанцию.

А Лера, как назло, совершенно застыла от охватившего её шока вперемешку со страхом. Она тупо смотрела на то, как

зловеще покачивается диск пилы в зажиме, и с него медленно на пол капают капельки крови. Кап. Кап. Кап. Кап…

****

Георгий Дьячков работал в цирке клоуном на телескопических ходулях. В отличие от остальных артистов труппы обязанности у него были самые что ни на есть рутинные. Днём, когда мимо шатра проходило много народу, он должен был раздавать людям рекламные буклеты и зазывать их в цирк на вечернюю программу, слово в слово повторяя текст с голограммы по соседству. И это было даже ничего: скучно, но не особенно тяжело. А вот если среди взрослых вдруг попадались дети, то их ещё вдобавок полагалось всячески развлекать. Например, выделывать пируэты на ходулях, дарить каждому по воздушному шарику в виде зверька, а чересчур неугомонных желательно было посадить себе на плечи и поднимать высоко-высоко над землёй, метров этак на двадцать, благо навороченные протезы такое позволяли. После пяти, в лучшем случае десяти подобных подъёмов, шея у Дьячкова начинала болеть просто адски. Вечером же, когда уже вовсю шло цирковое выступление, он из какого-никакого клоуна становился просто самым обыкновенным грузчиком, что механически разгружал коробки со снедью для животных, пока остальные артисты труппы, в том числе и эти самые животные, развлекали публику под куполом. А ели его коллеги, и в особенности любимец публики кибермедведь, по-звериному много!

- Невероятное шоу Корво Таврического! Бесстрашного мага огня, укротителя медведей и экстрасенса! Приходите сегодня в семь вечера и ребёнка с собою прихватите! Ни секунды не пожалеете! – зазывал он очередного зеваку одной и той же, натренированной фразой. – Билеты по QR-коду с голограммы или вы можете их приобрести онлайн на сайте великого мастера.

- Ваш цирк – это полный отстой! – грубо бросил через плечо какой-то холёный прохожий в стерео очках. – Вы бедных животных эксплуатируете ради хайпа и прибыли. Вас самих всех надо в клетку посадить.

- Слышь, засунь себе свои билеты куда подальше, понял! – огрызнулся другой, менее опрятный и более агрессивный. Сперва он даже хотел зашвырнуть в Дьякова пустой банкой из-под энергетика, но, видимо, передумал. Вместо неё, как из пулемёта, в клоуна полетели матерные слова.

Гоша сделал вид, что ничего не заметил. За несколько лет работы на улице мужчина привык, что люди его ни во что не ставят и могут с лёгким сердцем послать куда подальше. Это было всего лишь частью его низкооплачиваемой работы, причём даже не сказать, что самой постылой. Горбатить спину в роли грузчика было куда хуже, пусть общение с дрессировщиком Геной и скрашивало эти дюже неприятные моменты. Хозяин медведя не сторонился уличного клоуна, не считал его “лузером на полставки”, как остальные артисты труппы, и был единственным светлым пятном во всём этом

цирке, если к покрытому татуировками здоровяку такое выражение вообще применимо.

А умело применять те или иные выражения Гоше было необходимо. Как-никак он с маленькими детьми в основном работал, с которыми полагалось исключительно сюсюкаться, шутить и улыбаться, иначе жалоб от их родителей потом не оберёшься, сколько раз уже проходили. Камеры ведь повсюду, микрофоны. Лишнего слова не скажешь.

- Привет, малыш! – помахал Дьячков мальчику лет пяти, который шёл за ручку со своей мамой. – Хочешь к нам в цирк, а? У нас тут есть целый кибермедведь! Это почти как мишка из зоопарка, только напополам с роботом. И глаз у него один стеклянный, не настоящий, а другой за повязкой чёрной спрятан. Как у пирата из мультиков, представляешь? – подмигнул он своим вполне здоровым глазом. – Приходи сегодня вечером с мамой на шоу и сестрёнку свою прихвати, если есть. А пока вот что… держи шарик, - добавил Гоша и действительно извлёк и своего необъятного кармана розового медведя, наполненного гелием. Мальчуган постоял в нерешительности секунду-другую и принял от клоуна неожиданный подарок. После чего стеснительность карапуза как рукой сняло.

- Туда. Наверх хочу! – показал он пальчиком в небо. – Я видел, как вы других подымали. А теперь и меня. И меня!

Дьячков с тоской оглядел осмелевшего ребёнка. Делать нечего, надо поднимать, инструкции того требовали. По

крайней мере, этот мальчишка не выглядел тяжёлым, а, значит, многострадальной шее сейчас не сильно достанется. Если, конечно, новый наездник не станет пинать её ботинками, как предыдущий малолетний имбецил.

- Только, пожалуйста, не сильно высоко! – попросила мамаша карапуза, миловидная брюнетка с искусственными фиалковыми глазами и розовыми губами. – Он у меня ещё маленький. Испугаться может.

- О чём речь, мадам! – галантно поклонился клоун, давая забраться её сыну себе на плечи. – Всё сделаю в лучшем виде. Его даже не стошнит, поверьте.

Однако следующие действия Дьячкова шли вразрез с только что сказанным. Едва лишь мальчуган неуклюже сел ему на шею, Гоша выпрямился и стрелой взмыл вверх на своих невероятных ногах точно отпущенная после сильного сжатия пружина и спустя мгновение был уже на высоте циркового шпиля вместе с обалдевшим от внезапности карапузом. Как циркач при этом не уронил свою пятилетнюю ношу и не потерял в процессе равновесие – навсегда осталось загадкой. Его искусственные ступни, обутые в потешные клоунские ботинки, упёрлись в землю с упорством железобетонной статуи и придавали её носителю просто феноменальную устойчивость. Да и ловкость, в общем-то, тоже! Мамаша с фиалковыми глазами даже пикнуть не успела, как её малыш оказался на крыше соседнего с цирком десятиэтажного здания. Дьячков с гибкостью балеруна коснулся своим правым

носком карниза многоэтажки и хлоп! – перенёс туда всё своё тело, как если бы он шагнул на две ступеньки выше, а не на десятки метров вперёд по наклонной. В том месте на земле, где только что были его ботинки, даже пыль не успела осесть.

- П-пожалуйста, не надо! – воскликнула мать мальчика - так затрепетало в груди её сердце. – Мой Андрюшенька, он же упадёт! Спуститесь! Верните мне моего сыночка. Я вас умоляю!

Однако Дьячков и не думал прислушиваться к мольбам молодой матери. Это явно было оно - похищение: наглое, виртуозное и совершенно безнаказанное. У женщины ушло слишком много времени, чтобы в полной мере осознать, что же в действительности произошло, а когда она всё это, наконец-то, поняла, шустрая фигура циркача давно уже скрылась из виду. И тут несчастная мать рухнула в обморок.

Глава 1

Говорят, что на свете и вправду есть люди, которые любят много и со вкусом работать. Николай Тютчев, признаться, за свои тридцать семь лет ни разу подобных чудаков не встречал, но раз молва носит по матушке Новой Земле этот слух, значит, есть в нём хотя бы толика правды, иначе было бы странно. Именно такими мыслями задался сейчас светловолосый мужчина высокого роста и сгорбленной наружности, и всё потому, что он вот уже два месяца как работал почти без выходных, и измотал себя по этой причине чуть ли не до состояния полутрупа. Трупа, который вполне себе

дышит, ругает начальство последними словами и поглощает кофе со снеками просто в промышленных количествах, и всё же внешность Тютчева, матушка подтвердит, знавала лучшие времена. Под удачным углом Колю, наверное, можно было даже назвать привлекательным, если бы не его уставшие, воспалённые от недосыпа глаза, ломанный-переломанный нос и отсутствие правой ноги, вместо которой чуть выше колена "красовался" уродливый обрубок. То же, что заменяло ему последние годы вторую ногу, лежало сейчас по соседству на специальном нейропротезном верстаке и дожидалось, пока могучий врач с волосатой шеей и кустистыми бровями закончит свою магию.

-Ай-яй-яй, Коль! – покачал головой эскулап, бережно подкручивая в протезе что-то тонким игловидным инструментом. – Ну как так можно было ногу свою запустить, едрить тебя налево? Сервоприводы все проржавели, под коленной чашечкой волос с кулак собрал. Да и место крепления ты когда в последний раз спиртом протирал, а? Месяц назад? Больше? – утвердительный кивок. – Ему ещё весело! Заражение схлопотать что ли хочешь? Учти, если до этого дойдёт, я чёрта с два буду тебе кровь прочищать! Твоя медстраховка этого не покроет. Дам тебе колёс с горсть и отправлю на больничный. Будешь там без алкоголя месяц куковать!

- П-ф-ф, - фыркнул в ответ одноногий пациент. – Это кто сказал, что без алкоголя, док? Я сколько раз уже с крепышом колёса мешал, и, как видишь, до сих пор жив – здоров. По-

лучше некоторых трезвенников выгляжу.

Врач бы поспорил с последней фразой, но это было не его дело давать не прошеные советы. Очевидно, что тяжёлая работа в паре с плохим сном и прикладыванием к бутылке давала свои неприятные результаты, и достаточно было даже беглого взгляда на Тютчева, чтобы понять - этот мужчина отчаянно нуждается в отдыхе где-нибудь в тёплых краях и строжайшей антиалкогольной диете. Его коллеги Петя Гиляровский и совсем ещё зелёный Вася Рогов выглядели ощутимо лучше своего сослуживца-развалины. Петька так вообще всегда был начищен точно юбилейный медяк, а Васька просто был ещё слишком молод, чтоб как-то особо износиться и устать. Да оно и неудивительно! В возрасте паренька Рогова и на родных ногах Тютчев был выносливее иных профессиональных спортсменов, и к концу активного дня чувствовал себя также прекрасно, как и в начале. А сейчас: то спина вдруг заноет, то обрубок ни с того ни с сего засвербит, то отдышка вторгнется, когда её не звали. Короче, как бы сказал мама самого Коли: “старость, голубчик мой, подкралась к тебе незаметно “.

Кто другой, помоложе да погорячее, давно бы уже зашёл к своему боссу и выпросил бы у него побольше выходных, но Тютчев не мог позволить себе такой роскоши. В том, что он оказался на столь убийственной работе без возможности толком сходить в отпуск был виноват только он сам и никто другой. Ну, может, ещё правительство с президентом

немножко. По правде говоря, Коля даже наслаждался этим своим страданием, потому что считал, что получил все нынешние трудности он по заслугам. Нечего было столько глупых ошибок в юности совершать. Теперь вот, деваться некуда, надо расплачиваться.

- Ладно, док, пойду я, если у тебя всё, - бросил Тютчев, едва подавив зевок. – От зуда дай только таблетку какую-нибудь, а то я иной раз по полночи не сплю. Так обрубок чешется, что ужас просто! И на кой хрен некоторые нарочно себе ноги-руки отрезают ради этой дряни? Не ведают, кретины, что творят.

- Зато благодаря таким, как ты выразился, кретинам у меня всегда работа есть, - усмехнулся доктор. – Причём, хорошо оплачиваемая.

- Эх, мне бы такую! - задумчиво произнёс Коля, даже не глядя на доктора. Оказавшись в коридоре, он сосредоточенно прокручивал список пропущенных вызовов на своем встроенном в глаз телефоне. Со стороны не было понятно, но сам Тютчев чётко видел, кто именно ему наяривал все эти полчаса, пока он был на приёме. Босс, босс, босс, босс…

- Алё, босс, что у вас там стряслось? – громко спросил мужчина на весь коридор, из-за чего несколько посетителей больницы недовольно глянули в его сторону. – Не слышал, как вы звонили. Забыл с беззвучного убрать…

- Ты сейчас где, Коль? – хоть и резко, но без особой злости оборвал его начальник.

- В больнице нашей. Техосмотр ноги делал.

- Это хорошо, это ты молодец, - задумчиво произнёс властный голос. - Оружие у тебя с собой, в машине?

- В машине.

- Короче, слушай меня внимательно! Сейчас берёшь, значит, тачку и пулей дуешь в "Оранжерею". Если не в курсе, это наш новый ботанический сад. Там вокруг уже глухой кордон, копы всё, что можно, перекрыли, но тебя внутрь здания они пропустят. Я с их начальником договорился.

- Понятно, - устало выдохнул Тютчев, мысленно "предвкушая" очередную вооружённую разборку. - А что в "Оранжерее", шеф? Опять ветеран куражится?

- Не то слово, Коль! Не то слово, - был ответ. - Пятерых уже грохнул: двух гражданских и трёх охранников, и всё никак не успокоится. Поэтому разрешаю боевыми, если что. Петю с Васькой не жди, они тоже на срочном вызове. У нас долбанный беспредел по всему городу, и людей, как назло, не хватает. Так что давай там, аккуратнее.

" Ну, это уж как получится", - подумал про себя одноногий оперативник, а вслух сказал: Выезжаю.

****

Вообще, гражданским запрещалось переключаться с автопилота на ручное управление в городском потоке, но то были люди обычные, не обличённые властью. Тютчев же работал в госкомпании "Витрувий" и был в ней старшим оперативником отдела по борьбе с нейропротезной преступно-

стью, и оттого ему позволялось многое. Например, он имел доступ к главной базе данных полиции, где мужчина мог добыть любую информацию, нужную ему для поиска "имплантников". Незаконно установленные руки, ноги и прочие "конечности", если они серьёзно угрожали общей безопасности, он имел право срезать специальной плазменной пилой, которую в сложенном виде носил с собой во внутреннем кармане. Вдобавок Коля мог по своему усмотрению решать, применять ли ему боевые патроны против очередного спекулянта с чёрного рынка или лучше ограничиться тазером, проявить милосердие, так сказать. И в том, что касается полетов на электрокаре, он тоже был волен смотреть по ситуации. У Тютчева должность неспроста называлась "оперативник". Когда надо, от него требовалась максимальная скорость и мобильность, и повседневные правила дорожного движения в таких случаях нарушались без зазрения совести. А иногда и по причине некоторого куража, когда просто хотелось немножко похулиганить.

Сегодня, правда, у мужчины был долгожданный выходной и ему хотелось только одного: покоя в своей скромной съёмной квартирке в окружении ветхой мебели и бутылки вина, но старших оперативников начальство обычно не спрашивает, чего они там хотят. Приказано выезжать – выезжаешь. Приказано решить проблему – решаешь. Тем более что ситуация была и вправду из ряда вон выходящая. Давненько уже Коля не слыхал, чтобы бывший участник ОМО (особой ми-

ротворческой операции) прибил бы на гражданке сразу пять человек. Бывало, конечно, когда ветераны калечили кого-то в пьяном угаре, в основном своего же собутыльника. Случалось, когда они до смерти забивали своих жён за дерзость или неверность. Да и случаи ПТСР горячки тоже происходили нередко, из-за чего эти молодчики могли сдуру обстрелять прохожих из наградного оружия, но чтобы такое! До сих пор случаи массового убийства ветеранами были почти краснокнижной редкостью.

“Нашим чиновничьим шишкам это не понравится, - мрачно подумал Тютчев, лавируя между объектами в неспешном надземном потоке. – В людном месте и, прям, перед самым парадом! Головы полетят стопроцентов: и копов, да и наши, наверно, тоже. Надо срочно бурную деятельность изображать, спасать ситуацию”.

Полиция, кстати, бурную деятельность уже вовсю изображала. Где-то с дюжину тёмно-синих капсулоподобных машин грозной тучей нависли над громадой ботанического сада, будто пчёлы над вымазанным в мёде медведем. Их громкие до боли в ушах сирены истошно выли на всю округу, а танцующие проблесковые маячки затейливо бликовали на стеклянной крыше здания, при взгляде на которую Тютчеву почему-то вспомнились новогодние витрины магазинов. Вот только повод для этого был совсем не праздничный.

Чуть больше времени у него ушло на то, чтобы вспомнить, взял ли он с собой удостоверение сотрудника “Витру-

вия” или нет. Да, его шеф вроде бы заранее обо всём договорился с начальником полиции, и копы из кордона наверняка пропустят Колю и без корочек, просто просканируют его и всё, но с документом мужчине было как-то спокойнее. Между “витрувианцами” и работниками полиции давно уже царила если не вражда, то тотальное раздражение, и нагло нарушать установленные правила значило лишь сильнее разогреть и так недружественную атмосферу. Арестовать вряд ли арестуют, - в этом Тютчев был почти уверен, а вот гадостей всяких наговорить могут легко. В первую очередь те из них, кто знал оперативника лично.

Один из таких не слишком приятных знакомых по фамилии Пудовкин как раз дежурил сейчас у входа на крышу с пистолетом наизготовку. Молча Колю мимо себя он ожидаемо не пропустил.

- Обалдеть, кого я вижу! – воскликнул полицейский и его губы растянулись в гадкой ухмылке. - Никак сам великий поэт решил оторвать свой ленивый зад и ручки свои замарать? А почему один? Где дружка железного потерял?

- Пётр на другом выезде, - сквозь зубы бросил Тютчев и смерил этого лысого коротышку презрительным взглядом.

- Ах, на другом! – наигранно закивал коп, и Коле сразу стало понятно: издевается. – Ну да, действительно. Подумаешь, омов-ец пять человек среди бела дня вальнул. У поэтской братии, поди, есть дела поважнее.

На этот раз Тютчев не удостоил Пудовкина ответом. Объ-

яснять, что однофамилец Пети – Владимир Гиляровский со Старой Земли был вовсе никаким не поэтом, а журналистом и писателем - только время даром потерять. Коротышка нарочно свалил в одну безграмотную кучу и Колю, и его сослуживца и классиков литературных, - и всё ради того, чтобы хоть как-то задеть оперативника, однако любые издёвки подобного рода были витрувианцу словно киту гарпун: совершенно бесполезны. Вот если б сей лысый клоп в шутливой форме обозвал Тютчева трусом, тогда другое дело! За такие слова шутник мог и зубов в ту же секунду недосчитаться.

А трусом Коля отродясь никогда не бывал. Поэтому и пацаном со всеми дворовыми хулиганами дрался, и тёмной ночью через подворотню, не страшась, ходил, да и на особую миротворческую операцию добровольцем записался, и когда контракт рискованный подписывал, даже рука ни разу не дрогнула. Теперь же вот он уверенной походкой шёл на встречу с озверевшим ветераном, который, судя по короткому телефонному брифингу, хладнокровно убил много ни в чём неповинных людей, то есть живьём правосудию он вряд ли дастся. Тем более, когда поймёт, что за ним пришёл один из витрувианцев. Слава у Тютчева и компании среди имплантников была дурная.

- Он там, в океанариуме, - махнул рукой молодой коп, которого Коля видел впервые. – Взял в заложники девчонку, гад, и затаился. На что рассчитывает – хрен его знает. Неужели живым выйти надеется?

- Только не в мою смену, - хищно улыбнулся оперативник и активировал встроенный в его глаза сканер местности.

Нескольких секунд Коле оказалось достаточно, чтобы обнаружить, где именно засел убийца. Вот он, дружок: спрятался между аквариумами с рыбами и черепахами, в узкой такой нише, а за спиной у него стена, то есть бежать ему особо некуда. В заложниках он держал напуганную до смерти девушку-подростка, но больше всего Тютчева заинтересовала не она, а имплант, с помощью которого омо-вец этой самой девушке угрожал. Наведя зум на его правую руку, оперативник дождался, когда сканер сделает своё дело и выведет на сетчатку глаза текстовую справку. “Пиляще-режущий протез “Джон Крамер”, серийный номер 378495, модернизированный”. Разумеется, фирмы “Витрувий”, какой же ещё.

Коля уважительно тряхнул головой: “серьёзна штука!” Помимо основных своих функций, как то: резать металл или спиливать деревья, он ещё был снабжён специальным катапультным механизмом, который позволял запускать лезвие пилы на расстояние от восьми до пятнадцати метров. И лезвий таких, судя по наплечной сумке, у преступника было минимум с дюжину.

“Нарушение! Незаконно установленная опция”, - громко заверещал сканер. Тютчев и без него знал, что незаконная. Уже за одно лишь это он мог омов-ца арестовать и посадить на десять суток в обезьянник, а протез навсегда конфисковать без права получения нового. Что же касается пяти граж-

данских трупов – за такое полагалась только смертная казнь. Негласно, не по закону, конечно, но по справедливости. А шеф потом, в случае чего, без труда Колю прикроет.

- Ладно, я пошёл, - сказал Тютчев больше самому себе.

Он знал, что полицейские за ним не пойдут и помогать ему не будут. Имплантники были головной болью исключительно витрувианцев. Местные же копы могли только наручники на омов-ца надеть, и то, если у того хоть что-то, похожее на запястья, в итоге останется. Оперативники не умели или не хотели усмирять нарушителей деликатно.

Однако сейчас "нарушитель" прикрылся заложницей, и сразу стрелять на поражение был точно не выход. Коля вовсе не хотел, чтобы шальная пуля из его револьвера "Шериф" задела девочку или, не дай бог, её убила. А, значит, омовца нужно как-то отвлечь, усыпить по возможности его бдительность, в чём обычно прямолинейный Тютчев был если и не ужасен, то плох. Вот влепить убийце пулю аккурат промеж глаз – в этом он был спец. Вести же задушевные беседы – тут извините-подвиньтесь. Среди витрувианцев этим славился разве что Петя и то потому что он, сволочь, от природы мужик был обаятельный. Эх, как бы он пригодился Коле здесь и сейчас!

Делать нечего, надо спешить. Иначе скоро бедную девочку только по частям получится собрать.

- Удачи! – крикнул ему вслед тот самый молодой коп. Как будто даже благожелательно.

Попасть незаметно в океанариум у мужчины, увы, не получилось. Едва только он переступил через порог, как в воздухе прямо перед ним разноцветным призраком возникла весёлая девушка-гид и радостно провозгласила: “Добро пожаловать в океанариум! Мир акул, электрических угрей, осьминогов и прочих глубоководных чудовищ“.

“Что ж, как минимум одно чудовище тут уже точно есть!” – мысленно отметил про себя Тютчев и прочёл справку, что прогрузилась над протезом в графе “собственник”: Данила Иванович Пружинка.

- Данила! Ты меня слышишь, Данил? Давай поговорим! – закинул он пробную удочку.

Был ли это действительно Пружинка Коля не знал. Кто-то под такой фамилией вполне мог купить протез и зарегистрировать его на себя, а потом без ведома госорганов продать девайс кому угодно, например, не чистым на руку перекупщикам. Ещё “Джона Крамера” могли украсть или кто-то мог срезать протез с уже мёртвого владельца, - в общем, вариантов имелось великое множество. Однако Тютчеву нужно было хоть как-то подступиться к омов-цу, вот он и выбрал подходящую по случаю тактику: обратиться к имплантнику по имени. Авось это станет началом тёплой доверительной беседы, кто знает.

- Я подойду поближе, ты не против? - спокойным тоном предложил оперативник. – Какой смысл издалека орать? Не ты, не я друг друга не слышим.

- Нет… чёрта лысого! – донёсся до него истерический возглас. – Я их…. Я этого не хотел! Это был не я! Слышишь, опер? Не я!

Беседа, очевидно, не задалась с первых же фраз. Коля и оружие за пазуху заранее убрал, и руки вверх поднял, показывая, что человек он, в общем-то, мирный, и подобие улыбки на своё неласковое лицо натянул, - короче, сделал всё, что в его силах, дабы не злить омов-ца. Вот только даже беглого взгляда на Пружинку (или кто это был?) оказалось достаточно, чтобы понять: просто не будет. Этот приземистый жилистый работяга с протезом-пилой был напуган до смерти и стальной хваткой держал свою жертву, напуганную ничуть не меньше. Любое неверное движение или неаккуратное слово, - и девчонка вмиг могла лишиться своей красивой головки. Пила фирмы-корпорации "Витрувий" играючи каменный бордюр надвое разрезала, чего ей какие-то нежные девичьи кости?

- Мужик, давай только без глупостей, ладно? – медленно, чеканя каждое слово, заговорил оперативник, а сам, при этом, продолжал потихоньку приближаться к убийце. – Ты уже натворил делов на два пожизненных. Может, хотя бы тянку отпустишь, а? Что она тебе такого сделала? Девчонка, блин, вчерашняя школьница. Она, наверно, ещё и взасос ни разу-то не целовалась. Отпусти её, не будь идиотом!

К удивлению Тютчева его слова, похоже, повлияли на омов-ца. Всего-то секунду назад казалось, что Пружинка

словно грудой кирпичей был придавлен и не мог ни вздохнуть, ни сдвинуться, и вдруг – раз! – тяжёлый груз с него убрали, и мужик как-то сразу задышал, зашевелился. На его лице появилось сомнение, стальная хватка на девочке ослабла, опасный протез слегка качнулся в сторону, подальше от хрупкой шеи заложницы. И бедняжка эта тоже как будто выдохнула, ожила.

- Ложись! – заорал Тютчев что есть силы. Он понял - удачнее момента уже не будет. – Ложись, дура! Скорее!

“Дура” оказалась молодец, не сплоховала, и тут же плашмя рухнула на пол. А вот оперативник, наоборот, повёл себя не самым профессиональным образом. Пока он следил за Пружинкой и с трудом сдерживал себя, чтобы не схватиться за пушку, кто-то рядом тоже стоял и тоже следил, но только не за убийцей, а за Колей. Ошибкой, конечно, было не смотреть за своим тылом, и платой за эту ошибку стали три стальных гвоздя, которые Тютчев с изумлением обнаружил у себя в правой руке. Плечо и бицепс пронзила острая боль, прицел оказался сбит, и в итоге он по омов-цу промазал.

Но это ещё полбеды! Точно в лоб ему сейчас смотрело дуло протеза “Дикобраз” – специальная ремонтная кисть-насадка, стреляющая гвоздями толщиной с палочку для суши. Коле даже сканер не нужен был, чтобы её узнать. Он с такими имплантами имел дело едва ли не каждую неделю. А вот с их носителем, который целится ему в голову – нет, это было в первый раз. И, видимо, уже в последний….

Два мощных залпа в грудь, и бьющий исподтишка ремонтник мешком повалился на пол, разрядив целую обойму толстенных гвоздей куда-то в потолок. Сверху на него посыпался целый дождь из красивых разноцветных осколков, как траурный салют по его жизни, что закончилась так нелепо – в океанариуме, где-то между бассейном со скатами и вольером с морскими котиками.

- Чёрт возьми, они обдолбанные что ли, эти ремонтники?! – возмущённо воскликнул молодой полицейский, который давеча пожелал Коле удачи. Именно его два метких выстрела прошили мужику с гвоздемётом грудину и спасли оперативнику жизнь. Выходит, не все копы в городе законченные мерзавцы. Встречаются иногда и приличные экземпляры.

Ни отвечать ему, ни благодарить его Тютчев сейчас не стал. Не до того было. Обезвредить Пружинку – вот что оставалось у Коли первостепенной задачей. Да, он временно лишился своей правой руки, которая теперь безвольной плетью свисала вдоль тела, но кому в его должности бывает легко? Хорошо хоть этот псих девчонку наконец-то бросил и даже, судя по её вполне себе "живому" виду, нисколько ей не навредил. В отличие от стены в другом конце зала, в которой убийца своею пилой натурально сделал себе проход. Что ж, "Джон Крамер" и не на такие чудеса бывал способен.

- Стой, тварь! Убью! – крикнул ему вслед Тютчев больше для острастки. Ожидать послушания от человека, которого ты мгновение назад хотел застрелить – наивная затея. Тем

более теперь, когда Пружинке даже прикрыться было не кем.

Придерживая свою больную руку и ругая имплантника на чём свет стоит, Коля нехотя бросился за ним в погоню. Благо ноги у Тютчева были в полном порядке, а, значит, списывать его со счетов, как оперативную единицу, было ещё рановато.

За импровизированной дверью мужчину ожидал огромный величественный зал с инсталляциями морской флоры и фауны разной степени сложности и разной величины. Место полутёмное, хорошо простреливаемое, с множеством потаённых проходов и углов, в любом из которых мог коварно затаиться убийца с той самой рукой-пилой. Коля осторожно огляделся по сторонам, сканируя всё это загромождённое пространство, и мелкими перебежками от одной скульптуры до другой, начал продвигаться вперёд вдоль музейного холла. Лазерный прицел его револьвера "Шериф" хищно скользил по стенам, колоннам и фигурам, и искал только одну цель – человека по фамилии Пружинка. Тютчеву даже на миг показалось, что рукоять в его руках как будто слегка пританцовывает, словно оружию и впрямь не терпелось кого-нибудь поскорее пристрелить.

"Ага, вот он где!" – улыбнулся Коля, потому что заметил какое-то движение за тушей саблезубого моржа.

Слишком поздно!

Со свистом разрезая воздух в него устремилось сразу два лезвия "Джона Крамера" точно парочка крохотных истребителей-перехватчиков. Один крутящийся диск пронёс-

ся буквально в сантиметре от его головы - Тютчев едва успел скрыться за ближайшей скульптурой, что изображала древнего морского монстра. Другой же пролетел немного ниже, примерно на уровне груди, и отсёк металлическому чудищу то ли хвост, то ли лапу, после чего воткнулся в бетонный столб и мгновенно затих. “Ну и скорость!” – подумал про себя Тютчев восхищённо. Как профессионал в области имплантов, он просто не мог не отметить смертоносность этой прошивки. Тот, кто усовершенствовал Пружинке его руку-пилу, был явно рукастым парнем. Вслух же Коля сказал:

- Алё, диспетчер! Кто там сегодня, слышите? Мне срочно нужен доступ к камерам океанариума. Уровень пользователя – “начальник охраны”. Повторяю: срочно!

Потребовалось где-то секунды три, чтобы по ту сторону микрофона сотрудник “Витрувия” обработал запрос.

- Слышу вас, Николай Александрович! – раздался в Колином ухе молодой мужской голос, бодрый и одновременно с этим нагловатый. - К каким конкретно камерам вам нужен доступ? Их в океанариуме сто двадцать шесть штук, не считая тех, что снимают только рыб. И тех, на которые птицы гадят.

- А я знаю?! – рявкнул в ответ оперативник. Он узнал диспетчера - это был хакер Миша Филипчук, - тот ещё болтун, весельчак и шут гороховый. – Найди меня по чипу и определи, что тут есть рядом. Я вот вижу минимум четыре надо

мной. Дай сразу на весь зал, понял?

- Готово. Доступ предоставлен, - почти моментально отозвался кудесник Филипчук. Хакер он и вправду был отменный, тут не поспоришь. Ещё бы поменьше болтал... – Что надо – потом подотру, Николай Александрович! Звук, кадры, изображение – вообще без разницы. Обращайтесь!

- Нос себе подотри! – огрызнулся Тютчев. Мишина излишняя словоохотливость его почему-то жутко раздражала. – Всё, тишина в эфире с этой секунды! Мне работать надо.

К видеокамерам Коля и вправду подключился без особых проблем. Перед его глазами калейдоскопом замелькали прямоугольники видеофайлов, что передавали изображение того зала, где он сейчас был, с многочисленных ракурсов. В какой-то момент мужчина даже наткнулся на камеру, которая снимала его самого, верней его сутулую спину, однако нужный ему файл ожидал оперативника сразу после.

Вот он, убийца проклятый! До сих пор прячется за статуей моржа и терпеливо ждёт, когда Тютчев высунется из-за своего укрытия, чтоб лицо ему пилой подрихтовать. И Коля, отлично понимая всё это, устранять Пружинку не спешил. Было видно, что противник нынче ему попался не простой: опытный, хладнокровный, умелый, - ни чета всем предыдущим. В перестрелках этот ремонтник явно неоднократно бывал, и вышел из них живым и даже почти не потрёпанным, оттого и владеть собой у него получалось хорошо. Казалось бы, всего какой-то миг назад он истерически жался в угол,

скулил и прикрывался девчонкой как живым щитом, а теперь, поди ж ты, превратился в снайпера и сидит себе в укрытие, жертву караулит!

“Ну, и пусть себе караулит, хрен моржовый! – решил про себя не менее опытный в таких делах Тютчев. - У меня есть всё время мира, а он сколько сможет там просидеть?”

Оказалось недолго. То ли вой полицейских сирен заставил Пружинку занервничать, то ли агрессивный витрувианец за колонной напротив, то ли здесь была ещё какая другая причина, но убийца всё же взял и покинул своё укрытие первым. А Коля только этого и ждал! Он в онлайн режиме отслеживал все передвижения омов-ца по камерам, и стоило лишь тому отлипнуть от фигуры моржа, мигом выпрыгнул из-за колонны. Вскинул тяжёлый револьвер, прицелился…. И тут простреленная в трёх местах рука предательски дрогнула. Всё-таки трудно было долго переносить эту адскую боль без транквилизаторов – гвозди жалили мышцы плеча словно гигантские осы. Уже второй раз подряд прицел у Тютчева сбился, и он снова по ремонтнику промазал, мысленно костеря себя, того мужика с гвоздемётом и весь этот проклятый океанариум в целом.

Пружинка, правда, тоже не сумел достойно ответить своему противнику, и выпустил свежий заряд лезвий куда-то в потолок. Внезапно сверху что-то противно треснуло, качнулось, огромная тень угрожающе наплыла на Колю, и он сделал то единственное, что подсказал ему сейчас инстинкт са-

мосохранения – кувыркнулся вбок. Раздался ошеломительный грохот, бетонный пол заходил ходуном, а по макушке Тютчева чиркнуло что-то металлическое. Больно так чиркнуло, обжигающе!

- Мать твою налево…! – громко выругался оперативник.

Беглый анализ ситуации показал, что ремонтник своим неточным залпом срезал крепления висящей под потолком модели подлодки, вот та и рухнула на пол океанариума с высоты метров этак пятнадцати, а сотни мелких деталей, из которых она состояла, разлетелись беспорядочно по всему необъятному залу. Парочка из них упала где-то рядом с Пружинкой, однако это не помешало ему вновь зарядить свой модифицированный протез. До слуха Тютчева донёсся мерный гул заработавших лезвий пилы, что ясно намекало обоим: гаджет готов к использованию. Теперь Данила Иванович уже вряд ли промахнётся по своей цели - Коля сейчас был у него, как на ладони, да и у самого оперативника не хватало времени за чем-то спрятаться...

Молниеносное движение рук, прокушенная от боли щека, и пуля из “Шерифа” ударила по протезу ремонтника.

Как раз в тот самый момент, когда он думал вдарить по врагу… и оплошал. Колин выстрел вкупе с инерцией от работающего механизма играючи отбросил руку убийцы в направлении самого убийцы. Диск пилы с хрустом вошёл в голову Пружинки ровно посередь лица, своротив тому набок нос и намотав его губы и язык на острые лезвия. Кусочки ко-

жи кровавым фейерверком брызнули в разные стороны, кое-что, кажется, даже до Тютчева долетело или ему так показалось. Ещё секунду-другую диск вращался в костях и мясе ремонтника, но вскоре рука-пила дрогнула, словно на прощание, и затихла.

Нарушитель был окончательно ликвидирован.

Глава 2

Шеф не сказал Тютчеву спасибо. Он вообще никак не поблагодарил оперативника за то, что тот вышел на службу в свой выходной и выполнил далеко не плёвое задание, получив вдобавок обидное ранение. На похвалу Сергей Борисович Стовпенко, глава отдела по борьбе с нейропротезной преступностью, был до обидного скуп. Зато ругать своих сотрудников на чём свет стоит за любую пустяковую оплошность – это пожалуйста! Сегодня вот Коле влетело за частично раскуроченный океанариум, открытый специально перед проведением главного военного парада страны. В город в ближайшее время должна была хлынуть целая делегация из высших правительственных чинов и крупных бизнесменов, а на самом параде ожидали главное лицо государства – президента, причём со всей его семьёй. Событие, к которому тысячи местных жителей готовились чуть ли не целый год, и вот на тебе: неприятность за неприятностью! К массовой резне в ботаническом саду добавились ещё и беспорядки на танковом заводе, на минутку, предприятии стратегической важности. По числу людских жертв случай на заводе был

даже кровавее, будто работяги танкового соревновались со своими коллегами из “Оранжереи”: шесть человек лазерным резаком натурально прожгли насквозь, десяти другим отрезали кому руки, кому ноги, а один ни в чём не повинный мастер участка и вовсе лишился собственной головы. И почти в каждом таком членовредительстве был замешан незаконно прошитый протез вроде того же “Джона Крамера”, что стоял у Пружинки. В базовой своей версии резаки заводчан попросту не срабатывают, если их направить на живого человека, так почему же в итоге случилось то, что случилось? Запрещённые государством апгрейды - вот почему.

- Два часа Петя с Васей там провозились, никак не могли этих прошитых засранцев угомонить! – возмущённо подытожил начальник. Под словом “угомонить” он, разумеется, имел в виду “пристрелить”. – Куда вообще заводская охрана смотрела, когда их на проходной каждый день пропускала? Дебилы, блин! Такая вот халатность кругом, а свалят всё, ясен пень, на меня с вами, ведь левые улучшения имплантников – это наша проблема… Нет, ты гляди, чего мне пишут! – помахал он перед носом оперативника планшетом с каким-то непонятными цифрами. - Один цех в хлам, на другом, говорят, ущерба на десятки миллионов, а тут ещё ты, Коля, отличился. Не мог что ли без шума и пыли этого Пружинку завалить? А?

- Так он девчонкой прикрылся, шеф, - оправдывался Тютчев. – Жалко было, блин, дурёху, молодая совсем! А ну как

я бы её задел? Мне такого в послужном списке не надо.

- Это я решу, что тебе надо и что не надо, понятно? – хлестнул его грозным взглядом Стовпенко. Но тут же, правда, смягчился. – Ладно, ты всё правильно там сделал, Коль. Молодец! За спасение девчонки попробую тебя к награде приставить, но сейчас такая вонь из-за всего этого поднялась... Сам понимаешь, – он развёл в сторону руками. – Получится или нет – не знаю. Может, и пошлют меня куда подальше с этими *инициалами*.

Вместо *инициалов* в последней реплике босса явно должно было быть что-то другое, но Тютчев не стал его поправлять. Сергей Борисович время от времени вставлял умные словечки в свою речь, значения которых, Тютчев был уверен, шеф и сам вряд ли до конца понимал. Однако нарушать субординацию, чтобы намекнуть своему начальнику на смысловую ошибку - подобное в отделе никому даже на ум не приходило. Стовпенко был для каждого из них едва ли не отцом родным, не раз помогал им в трудные моменты жизни и вообще являлся, по сути, сердцем организации. Лысеющим, двухметровым таким сердцем с брюшком, пышными усами и басовитым голосом. Уж не желторотым оперативникам его чему-то учить.

- Рад служить! – откозырял Тютчев в качестве благодарности, хотя все эти награды были ему глубоко безразличны. – Разрешите идти отдыхать, Сергей Борисович? Рука болит жуть просто! Того и гляди, отвалится. А мне ещё отчёт о се-

годняшнем писать.

- Иди, конечно, разрешаю, - понимающе кивнул Стовпенко. – Только завтра чтобы, прям, с самого утра зашёл к психологу, понял? Срок максимум сутки, а вы с Петей туда по неделе не заходите. Мне, знаешь ли, надоело свою задницу из-за вас, лентяев, подставлять. Всё, хватит! Правило есть правило. Иначе жалованья лишу! – пригрозил он в конце.

“ Как будто там есть чего лишать”, – усмехнулся про себя Коля, а вслух пообещал: - Будет сделано, шеф!

****

Это на Старой Земле психологами были обычные люди с ворохом бесполезных знаний и дипломом в рамочке на стене. На Новой же Земле таких индивидуумов называли не иначе, как шарлатанами. Ни один человек на этой планете, будь он хоть трижды умным, опытным и образованным, не сможет тягаться по силе психологического анализа с Элдерлонгами. Эти красивые величественные существа, живущие в толщах океанской воды, только внешне похожи на своих собратьев из Солнечной системы – китов и кашалотов, внутри же они намного сложней устроены, точнее их головной мозг. Кто бы мог подумать, что млекопитающие, не способные передвигаться по суше и строить города из железа и бетона, обладают воистину феноменальным уровнем интеллекта, могут запросто читать мысли людей и общаться с ними благодаря телепатии, а ещё, что они – прекрасные психологи и способны дарить истинный душевный покой.

Конечно, киты Старой Земли тоже были своего рода ментальным релаксантом, верней таким свойством обладало их пение, запись которого расслабляла людей перед сном. Элдерлонги же, будучи животными куда более высокого порядка, лечили человека вообще без единого звука. К ним можно было прийти в состоянии глубочайшей депрессии с мыслями о самоубийстве, а выйти с чувством невероятного жизнелюбия и улыбкой на лице. Запойный алкоголик возвращался от них и тут же бросал пить, лудоман – тратить все свои средства на бесконечные ставки, а неуверенная жена решала, наконец, разводиться ли ей со своим мужем-абьюзером или лучше ещё немного потерпеть. Бывали даже случаи, когда самый законченный психопат становился совершенно нормальным после контакта с синекожим, но это, скорей, исключение, чем правило. А вот тревоги, всякого рода зависимости и просто зацикленность на чём-то, - такое было Элдерлонгам нипочём.

Никто точно не знает, откуда они взялись на этой планете и сколько их виду хотя бы примерно лет. Возможно, эти существа были тут испокон веку, возможно их, как и человечество, привела сюда необходимость выжить, а возможно, их запустил в океанскую воду какой-то высший инопланетный разум, и синекожие за миллионы лет до такой степени интеллектуально развились, что сами стали высшими созданиями. Вот уже больше девяти веков подряд люди тщательно изучают Новую Землю, но мало что выяснили, как о прошлом

этой планеты, так и о прошлом её обитателей. Зато вот сами Элдерлонги, похоже, знали о двуногих приматах достаточно.

Во время Великого Космического Переезда именно они помогли человеку адаптироваться к условиям на новом месте в миллионе световых лет от его прежней родины. Путём односторонней телепатии Элдерлонги подсказали чужакам, где безопаснее всего устроить поселения, где тут наиболее плодородная почва и залежи полезных ископаемых, так нужных людям для сытой и комфортной жизни. Вдобавок синекожие создали настолько приятный психологический фон для своих белокожих гостей, что у мужчин и женщин серьёзно повысилась фертильность, и возрождение человечества стало уже не просто красивой мечтой, но реальностью. В иных условиях потребовалась, вероятно, не одна тысяча лет, чтобы достичь подобного результата. А тут вам и города-миллионники с фабриками-заводами, и скоростные трассы на много сот километров, и космические станции по всей Новоземельной орбите. Саранча, как известно, хорошо плодится на обильных кормом полях.

В наши дни, однако, люди совершенно потеряли к Элдерлонгам интерес. Давно было забыто всё то доброе и хорошее, что сделали они для людей на заре возрождения, и теперь синекожие, скорее, были просто забавным и крайне дорогим экземпляром для зверинца какого-нибудь богача; в лучшем случае их использовали для того, чтобы получать от них психологическую разрядку и только. В главном корпусе “Витру-

вия", например, имелось целое помещение-бассейн, где вот уже много лет держали одного мудрого Элдерлонга по имени Степан. По крайней мере, он просил, чтоб его так называли.

Именно к нему Тютчев и отправился с самого утра по наказу Стовпенко. Правила обязывали всех оперативников проходить психологическую проверку в случае, если задание заканчивалось гибелью человека. Причём не важно, сам ли витрувианец был тому причиной или он просто стоял рядом и мух ловил, начальство всё равно хотело убедиться, что их сотрудник, по сути, ходячая машина для убийства, в полном ментальном порядке. Иначе держать психически нестабильного оперативника себе дороже – и места тёпленького лишишься, и к уголовной ответственности запросто привлекут. "Витрувий" не любил рисковать своей репутацией.

- Доброе утро, Николай Александрович! – поприветствовал его юноша интеллигентной наружности перед входом в обеззараживающую камеру. – Ну и тяжёлый денёк был у вас вчера, наслышан! Пол музея, пишут, в щепки разнесло…. Ой, это вас там ранило, да? – заметил он забинтованную Колину руку. – Пустяки или что-то серьёзное?

- Привет, Макс! – поздоровался Тютчев. Этот вежливый всегда опрятный парень, что следил тут за жизненными показателями Стёпы, был оперативнику по душе. На другого бы он, скорее всего, даже внимания не обратил или буркнул бы в ответ что-нибудь невнятное, однако Максим Дрожжилов – дело иное. С ним и поболтать было приятно, и по же-

лезу компьютерному совета спросить, да и на штуки Колины он всегда реагировал презабавно. Казалось бы, парню уже хорошенько за двадцать, давно уж пора к пошлостям всяким привыкнуть, ан нет – краснеет иногда точно восьмиклассница последняя. Тютчев никогда ещё не встречал человека столь нежного воспитания.

– Ты про это? Да, какой-то даун шарахнул по мне из гвоздемёта, я так до конца и не понял, зачем, - объяснил он. – Доктор целый час со мной вчера провозился. Ладно хоть руку мою спас, а то ходил бы я сейчас с новым протезом, - тычок в сторону кевларовой ноги. – Из-за этой проклятой службы, так и знай, лет через десять на моём теле один только член родной останется! Что, в общем-то, не так уж и плохо. Девчонкам, говорят, искусственные не сильно-то нравятся.

- Зато вы там человека спасли, - уважительно произнёс Максим, пропустив мимо ушей эту сальную шуточку. Видимо, кое-что он всё-таки научился блокировать. – Мне кажется, это дорогого стоит! В моей работе я максимум кого могу спасти – это Стёпу от изжоги или низкой влажности какой-нибудь, а вот вы – настоящий герой... Нет-нет, я сейчас совершенно серьёзно! – поспешил добавить Дрожжилов, потому что оперативник отмахнулся от его пафосного комплимента.

- Знаешь, если б геройство это ещё как-то на моей зарплате сказывалось, а так: рискуй – не рискуй, всё равно полу-

чишь ..., - тут он сделал многозначительную паузу в надежде, что Дрожжилов и сам догадается, чем кончается эта импровизированная поговорка. На сей раз эффект и вправду был достигнут: у Максима от смущения зарделись щёчки.

- Неужели всё настолько плохо? – скромно произнёс юный администратор, потупив взгляд. – Я бы не сказал, что зарплата у нас в компании, прям, сказочная, но на жизнь ведь вроде хватает. Скажу лично про себя: я вроде не жалуюсь, - аккуратно подытожил он.

Тютчеву такой ответ не очень-то понравился. Он привык, что все вокруг ругаются на свой уровень доходов, а тут, поди ж ты, выискался довольный! Не хочет ныть в унисон.

- Ну, если у тебя потребности – это пожрать, поспать и в виртуалке позависать, то ничего, блин, удивительного! Наш Стёпа, вон, так и живёт: к кормушке его подвели, криля пару тонн в него закачали, под себя потом сходил, - романтика! Вот только я от такого существования, уж прости, не в восторге.

Сказал и тут же пожалел об этом. И чего он сорвался на интеллигентного парня из-за этакой ерунды? Не вина юноши, что у Коли вместо финансов дырка от бублика. Он сам себя довёл до такого состояния во времена своей бурной юности и теперь безвылазно сидел в денежной яме, света белого не видя. Да и если ему, прям, невтерпёж кому-то пожаловаться, то почему бы не Эндерлонгу, например? Стёпу как раз именно для этого тут и держали, чтобы он души челове-

ческие исцелял. Ну, или, на худой конец, мозги.

- Обеззараживание проведено, - раздался металлический женский голос. – Доступ в бассейн разрешён. Хорошей вам терапии!

- И тебе тётка, не хворать! – ответил Тютчев, сам не зная кому и зачем.

После камеры он миновал так называемый “предбанник” с раздевалкой и оказался в огромном просторном помещении со стеклянным потолком. За время работы в “Витрувии” Коля побывал в нём уже минимум раз пятнадцать и хорошо изучил всю местную обстановку. Настолько хорошо, что хоть картину по памяти пиши.

Главным объектом тут был, разумеется, расположенный в центре помещения бассейн. По площади он разве что слегка уступал площади среднего футбольного поля, а в высоту он достигал метров двенадцать, не меньше. Под потолком, пропуская сквозь себя косые солнечные лучи, висела паутинка оросительной системы с сотней разбрызгивателей, а из стены напротив выходил длинный и тоже прозрачный помост с перилами. Нужен он был в основном для того, чтобы сотрудник компании, зачастую им выступал чистильщик бассейна, мог спокойно пройти над всей этой конструкцией сверху и легко добраться шваброй до любого из уголков этого гигантского аквариума. Что же касается другой стены, то из неё под углом сорок пять градусов шла тонкая железная трубка – та самая “кормушка”, упомянутая давеча в разговоре с

Максимом. Через неё здешний обитатель бассейна ежедневно получал все необходимые ему питательные вещества и витамины, а датчики, налепленные на него то тут, то там, передавали на компьютер полную информацию о его текущем состоянии здоровья. Столов же, стульев, шкафов и прочей разной мебели, обычно свойственной рабочим помещениям, тут нигде не было. Единственный предмет мебели – старое кожаное кресло с ободранными подлокотниками – стояло на расстоянии вытянутой руки от стенки бассейна. Оно предназначалось для тех посетителей бассейна, кто пришёл сюда на психотерапию. Или для тех, кого на неё насильно направили.

- Привет, синебрюхий! – громко поздоровался Тютчев по привычке. Ответом ему было только эхо, что отрекошетило от дальних стенок помещения, но мужчина другого и не ожидал. Элдерлонги общались с людьми лишь одним способом – путём односторонней телепатии, по-другому они не умели. Однако слышать синекожие всё прекрасно слышали.

“И тебе привет, старший оперативник табельный номер один-восемь-ноль-три!” – охотно отозвался кит. Эти слова возникли прямо внутри Колиной головы, из-за чего его пробила неприятная дрожь. Что и говорить, односторонняя телепатия – штука до крайности некомфортная! К этому невозможно привыкнуть ни после первого раза, ни после десятого.

“Ты давно не заходил ко мне, я уж подумал, не случилось ли чего. Рад видеть тебя в полном здравии!”

Тютчев не мог ответить ему тем же. Он пропускал все эти сеансы психотерапии не потому, что бунтовал против правил или ему было банально некогда, а потому, что не любил, когда в его мозгах кто-то копается, пускай в анкетах обратной связи он и писал другое. “Витрувий” и так уже контролировал почти всю Колину работу с помощью маячков и всяких разных видеокамер. Не хотелось бы, чтоб у них был полный доступ ещё и в святая святых любого человека – его голову. Иначе контроль тогда получался едва ли не тотальным.

Да и то, что “психолог” выглядел, как монструозных размеров серо-голубая рыба с т-образным хвостом и улыбкой во всю морду, ситуацию не упрощало. Будучи школьником, Тютчев как-то видел парочку фотографий, сделанных на Старой Земле, а также один документальный ролик, и знал, что на родине его предков к китам и прочим кашалотам люди относились хорошо. Некоторые даже вполне беззаветно пытались им помочь, когда эти животные в силу неизвестных причин выбрасывались на берег и не могли потом вернуться обратно. Однако на *той* планете это были, скорей, просто гигантские морские млекопитающие, которые общались исключительно друг с другом и в жизнь человека не вмешивались.

Элдерлонги же – дело иное. Они именно что вмешивались в жизнь ново-землян, - не важно, по своей ли прихоти или по желанию тех, кто содержал эти существа в неволе. Коля никогда не верил в их способность как-то реально помочь че-

ловеку и всегда сопротивлялся любым таким попыткам что-либо починить в его голове. Благо Стёпа в этом плане был кит ненавязчивый. Он не проникал в те области мозга, куда пациенты ему лезть запрещали. Дескать, “я бы мог всё исправить, но ты отказываешься, а мне это больше всех надо что ли?” Нет, уж кого-кого, а Стёпу-то точно нельзя было назвать перфекционистом!

Ровно, как и Тютчева.

- Да ладно, брось ты! – махнул он своей здоровой рукой. – К чему опять вся эта пустая трепотня? Просил же, без прелюдий вот этих вот твоих вежливых. Мне нужно тут час отсидеть, тебе - сделать вид, что провёл со мной беседу…., - ворчал он, устраиваясь на скрипучем драном кресле. – Давай-ка мы упростим друг другу задачу и тупо помолчим! Я в анкете потом укажу, что всё было чики-пуки.

“Хорошо, оперативник табельный номер один-восемь-ноль-три, - вновь раздалось в его голове. – Я не против побеседовать с тобой для галочки, но я обязан задать тебе несколько вопросов согласно протоколу номер семь дробь одиннадцать”.

- Валяй! – разрешил мужчина. Он наконец-то устроился в этом проклятом старом кресле и раздражение его слегка улеглось.

“Исходя из полученных мною данных тебе вчера пришлось применить табельное оружие против человека и застрелить его. Судя по записям с видеокамер и показани-

ям свидетелей, Данила Иванович Пружинка сорока двух лет убил трёх сотрудников охранного ведомства, двух гражданских лиц, угрожал другим гражданским и использовал против старшего оперативника “Витрувия” протез с незарегистрированным апгрейдом, в результате чего был тобою устранён. Ты согласен с этой трактовкой событий?”.

- Ну, технически он сам себя устранил, - усмехнулся Коля, закинув родную ногу на искусственную. – Но в целом всё так и есть. Твои данные, китяра, не врут.

В ответ “китяра” лишь моргнул своим огромным чёрным глазом. И продолжил:

“В таком случае протокол номер семь дробь одиннадцать обязывает меня спросить: испытываешь ли ты, оперативник один-восемь-ноль-три угрызения совести из-за убийства человека? Можешь ли ты продолжать свою работу в прежнем объёме, с прежним рвением и в прежнем ментальном здравии?”

Для Тютчева все эти вопросы были вовсе не в новинку, и ответ на них у него был заранее заготовлен. Вот только сегодня он не захотел следовать по сценарию. Плохое настроение вкупе со злостью на “психолога” диктовали свою манеру поведения, а именно: взять и нагрубить. Что, собственно, Коля тут же и сделал:

- А в каком, простите, месте, Пружинка этот хренов – человек? – вскипел мужчина. – Он протезом своим людей там точно огурцы нарезал! Ровненько так, знаешь, фигурно. Я

видел трупы вчера и понимаю, что ни один нормальный человек сделать этого не может. Только распоследняя конченая тварь. Вот я и пристрелил его, как эту самую тварь, понятно? – сурово подытожил он и топнул своей кевларовой ногой. Пол под ним на секунду даже слегка заколебался.

А вот Стёпа нет, не заколебался. Этот внезапный монолог нисколько Элдерлонга не смутил, если существа вроде него вообще способны испытывать нечто подобное. Наоборот, он как будто даже слегка оживился, предчувствуя интересную полемику, а потому добавил дровишек в уже слегка разгоревшийся костёр:

“И тебя нисколько не беспокоит тот факт, что он тоже живой человек? Такой же, как и ты и твои сослуживцы?” – был коварный вопрос.

Шпилька цели определённо не достигла. Вопрос не вывел Тютчева из равновесия.

- После того, как он с особой жестокостью убил гражданского, он перестал быть человеком в моих глазах, - спокойно ответил оперативник. – Для меня даже ты, китяра, сейчас больше человек, чем он…. Пока ты никого не убил, разумеется, - добавил он загадочно и подмигнул Стёпе, глянув на него через мутное стекло бассейна.

“М-м-м…интересно…”, - короткая пауза. Элдерлонг явно что-то крепко обдумывал в эту секунду, не иначе. Обычно он всегда спрашивал и отвечал чисто механически, безо всяких пауз, но сегодня, видимо, ему и впрямь стало инте-

ресно беседовать со своим пациентом. Сеанс потихоньку переставал быть томным.

“В досье на покойного сказано, - продолжил Стёпа, - что Пружинка Д.И. участвовал в Особой миротворческой операции - коротко ОМО, получил ранения средней тяжести и был списан по инвалидности в прошлом году. Ты знал об этом, оперативник номер один-восемь-ноль-три? Я имею в виду *до* того, как спустил курок своего табельного револьвера?”

- Ну, допустим, знал, - пожал плечами Коля. – Что это, синебрюхий ты мой Фрейд, меняет?

“В твоей работе – ничего, - успокоительно отозвался кит. – Я дам положительную характеристику нашему сегодняшнему сеансу. Тебя допустят к работе, не волнуйся. Просто мне вдруг стало интересно, почему ты принял решение застрелить Пружинку Д.И., а не арестовать его? Ты ведь мог спасти жизнь своему…”.

- Кому? – резко перебил его Тютчев. – Товарищу? Братюне? Сослуживцу? Ты это что ли имеешь в виду, а, китяра? – Стёпа в ответ только ободряюще моргнул. – Ясно... Ты, наверно, думаешь, если я тоже омо-вец, как и эта сволочь-ремонтик, я, по-твоему, должен жалеть всех, кто имеет точно такой же статус, да? То есть людей, сдавших в наём свою собственную жизнь за большие деньги, и за эти самые деньги готовых делать всё, что угодно? Артиллеристов, ровнявших с землёй города, дронщиков, бивших по безоружным санитарам, штурмовиков, что никогда не брали пленных, боясь

очереди в спину, - это им я, значит, должен посочувствовать, ведь когда-то тоже имел глупость подписать контракт? Я правильно тебя понял? – уже не говорил, а буквально кричал Коля. – Не-ет, синебрюхий, тут ты промахнулся! В местах, где я воевал, каждый был сам за себя. Каждый, понимаешь? Там не было ни товарищей, ни братьев, ни сестёр. Не было добрых дядечек и отцов родных. Был только я один, который хотел тупо одного - выжить. Окружённый точно такими же одержимыми. Поэтому никакого чувства единения у меня с этим Пружинкой Дэ И быть не может! – выразительная пауза. - И вообще я считаю, что все мы там, на полях этой ОМО сдохли уже давно, и сейчас тут бродят одни только наши призраки. А моя пушка… ну она просто упокоила душу этого очередного бедняги. Как и однажды чьянибудь другая пушка упокоит мою, - в несвойственной ему поэтичной манере закончил оперативник, из-за чего у него даже лоб вспотел.

И хотя ответ у Коли вышел весьма эмоциональным и развёрнутым, элдерлонга он, похоже, не особо-то впечатлил. Если эти существа вообще способны чему-то удивляться.

“Сеанс на сегодня окончен. Вопросов больше нет, к работе ограничений не выявлено, - подвёл “психолог” лаконичную черту. – Не забудь оставить отзыв в анкете сотрудника. Обратная связь для компании крайне важна!”

- Ага, сейчас только штаны подтяну! – донеслось уже где-то со стороны выхода.

Заполнять всякие бланки и анкеты Тютчев не любил.

****

Стовпенко сиял сегодня ярче солнца за окном. На контрасте со вчерашним днём это было особенно заметно, словно Коля смотрел на фотографии “до” и “после”. Правда, причин для столь внезапного позитива вроде бы не было никаких, ведь уже второй день подряд весь интернет только и судачил, что о происшествиях в саду и на заводе, и высказывались люди в комментариях нелестно. Последними словами покрывали городские власти, ветеранов, полицию и, разумеется, “Витрувий”. Колиному работодателю в принципе досталось несправедливо больше остальных. Впрочем, как всегда.

Комментаторам не было дела до того, что обновить свой протез при желании может буквально кто угодно, а вот отследить все эти апгрейды у компании нет ни времени, ни ресурсов. Если б “Витрувию” нормально помогала местная полиция, тогда бы шансов по выявлению таких нарушений было гораздо больше, но копы перед военным парадом и приездом высокопоставленных гостей плевать хотели на какие-то там незаконные прошивки. Что же касается ментальной неустойчивости омо-вцев – тут горожанам следовало спрашивать напрямую с чиновников Дифенс Министерства, почему, дескать, они спустя рукава занимаются реабилитацией ветеранов боевых действий? Пускай Элдерлонгов на всю страну раз-два и обчёлся, но ведь можно отправить ветеранов к лю-

дям-психологам. А ещё можно бесплатно выдавать им лекарства, помогать бывшим штурмовикам и дроноводам адаптироваться к реалиям мирной жизни, наконец. Тютчев по себе знал, что ничего из этого на гражданке не делается от слова совсем. Оттого мужчина нисколько не удивился трагедии, разразившейся вчера.

Но вот вид сияющего шефа Колю откровенно удивлял. Браниться старик не бранился. Угрожать – не угрожал. Кофейку даже предложил выпить вместе с печенками, чего ранее за ним никогда не наблюдалось. В общем, играл роль этакого доброго дядюшки: приветливого, чуткого и румяного. Даже голос у него стал как будто чуточку мягче. Скоро выяснилось, почему.

- У меня для тебя хорошая новость, Колёк! - оживлённо заговорил босс. – И нет, это не по поводу представления тебя к награде. По этому вопросу решений пока ещё не было, но всё будет, обещаю. Другая хорошая новость.

- Супер, шеф! Хорошие новости – редкость в наше время, - наигранно обрадовался подчинённый, а сам из-за слов начальника насторожился. Какая ещё, к чёртовой бабушке, “хорошая новость”? Сроду их в оперативном отделе не бывало!

Дверь кабинета со свистом отъехала в сторону, и в комнату уверенной походкой вошёл коренастый смуглый парень, одетый во всё спортивное. Коля моментально узнал его, несмотря на отсутствие формы: тот самый молодой по-

лицейский, что давеча застрелил ремонтника с гвоздемётом и уберёг его, Тютчева, от могилы. Пришёл, видимо, чтобы услышать от оперативника слова благодарности за спасённую им жизнь. Или….

- Итак, знакомься: Рустам Равильевич Ползун. Младший лейтенант полиции центрального отдела УВД, - торжественно представил его Стовпенко. Говоря это, босс выглядел довольнее некуда. Будто с внуком своим знакомил или преуспевшим в бизнесе сыном.

- Да мы вроде как знакомы, шеф, - криво усмехнулся Коля и протянул свою ладонь для рукопожатия. Оно оказалось ожидаемо крепким. Крепче, чем хотелось бы, когда у тебя не рука, а решето. – Кстати, э-э, Рустам… Вчера как-то, знаешь, не досуг был сказать, замотался я с этим Пружинкой конкретно, но вот теперь скажу, что хотел: спасибо тебе, мужик! Спасибо, что прикрыл в саду мою задницу. От копов я, честно, такого не ожидал.

- Ай, да какие проблемы! – отмахнулся Ползун и мощно хлопнул Тютчева по плечу точно старого доброго товарища. – В баре меня как-нибудь рюмочкой-другой угостишь и сочтёмся. Ты ж ведь не этот, не язвенник?

- Какое там!.. - заговорил было Коля, но Стовпенко его перебил:

- Вот и ладненько, вот и хорошо, ребятки! Надеюсь, вы и дальше будет друг друга прикрывать аки братья родные. Прекрасное начало для дружбы и для службы. Прекрасное!

- Для службы? – не понял оперативник. – Что-то я не догоняю, шеф. Он же вроде из полиции. Вы сами только что сказали.

- Больше нет, - мотнул лысой головой начальник. – С сегодняшнего дня Рустам – это твой новый напарник. Вернее, напарник-стажёр. Хочу сперва проверить его в деле, - при этих словах он многозначительно посмотрел в сторону юноши. - Поздравляю тебя с этим знаменательным событием, Коля! Наконец-то твой старый *гешефт* будет закрыт. И тебе хватит рисковать жизнью в одиночку, да и мне, старику, теперь хоть спокойнее будет.

Стовпенко сейчас и вправду выглядел так, словно он уже на пенсии и никакие проблемы оперативного отдела его больше не волнуют.

- Вы, наверно, хотели сказать гештальт, Сергей Борисович, - поправил его Ползун, совершенно ни о чём не подозревая. – Гешефт – это вроде что-то другое означает. То ли сделка какая, то ли ещё что.

“Ой, не с того он начал ты, Рустамчик, не с того! Многому тебе, дурья башка, ещё предстоит научиться”, – подумал Тютчев про себя. Вслух же он спросил:

- ОК. И каким же будет наше первое совместное задание, босс?

Глава 3

Ползун с ранних юных лет полюбил опасность. Пока его сверстники хорошенько подумают, прежде чем залезть на

старый башенный кран, сигануть в сугроб с огромной высоты или перепрыгнуть рельсы прямо перед едущим поездом, он просто брал всё это и делал. Без раздумий, без страха, без малейших сожалений, но, как следствие, с большим количеством травм, благодаря которым он среди друзей схлопотал прозвище “Рустик-хрустик”. Число полученных им переломов уже давным-давно перевалило за дюжину.

Сколько же именно раз он рисковал своей собственной жизнью было и вовсе доподлинно неизвестно. Ради впрыска адреналина в кровь парень играл со смертью при любом удобном случае и до сих пор выходил победителем из этого безумного соперничества. Поэтому, когда перед восемнадцатилетним юношей встал вопрос кем же ему становиться в жизни, он не колебался ни минуты и решил - будет полицейским. Ведь где ещё, как не на этой работе, есть постоянный риск погибнуть или, как минимум, получить серьёзные увечья? Идеальный выбор для тех, кто без адреналина просто жить не может! Ну и без болевых ощущений тоже.

Однако, как это часто бывает, реальность оказалась далека от романтических мечтаний юношества. Довольно скоро выяснилось, что работа полицейским не такая уж и опасная, ограничений в ней до тошноты много, а ещё тут постоянно нужно сдавать всякие разные отчёты, из-за которых Рустам больше времени проводил за планшетом, чем на улицах города. Чего-чего, а унылой рутины вперемежку с тотальным контролем он никак не ожидал, когда впервые при-

мерил тёмно-синюю форму и получил на руки тёмно-красное удостоверение.

Дальше – больше. Если с отсутствием драйва Ползун ещё хоть как-то мог смириться, то вот с другим правилом, пусть и негласным, он смириться не захотел. Парень сперва даже ушам своим не поверил: как это его сослуживцы не связываются с нейропротезниками компании “Витрувий”? Ведь они же все до единого копы, принимали в своё время присягу, а, значит, просто обязаны вмешаться, дабы не допустить серьёзное правонарушение! Рустам не для этого шёл в полицию, чтобы потом стоять в сторонке и смотреть, как некий слетевший с катушек урод забивает кого-то до смерти, не важно – носит этот мерзавец протез ненавистной фирмы или нет. Пассивность вообще была не в характере Ползуна.

Последней каплей для него стала вчерашняя резня в ботаническом саду, когда все полицейские, прибывшие на место происшествия, пальцем не пошевелили, чтобы помочь несчастной заложнице и арестовать какого-то омо-вца с ПТСР. “Пусть витрувианцы в этом дерьме сами пачкаются, - кратко пояснил Ползуну капитан, его непосредственный начальник. – Нас это не касается. Не лезем”.

Рустам ослушался этого приказа и всё-таки влез. Не ради славы или из-за каких-то идеалистических соображений, вовсе нет! Причина была в банальном неравнодушии. Ну не мог он оставаться пассивным зрителем в тот момент, когда человеку рядом нужна была защита, а он, как представитель

закона, имел все возможности и права эту самую защиту оказать. Бедная девушка, вчерашняя школьница, не виновата в том, между их ведомствами существует нелепая бессмысленная грызня. И этот сутулый витрувианец с мешками под глазами вряд ли тут тоже за что-то ответственен. Он просто делал свою работу и только. Да, неаккуратно, да с ошибками, но уж как умел. Сослуживцы Рустама, между прочим, и того не сделали.

Зато эти его так называемые коллеги из кожи вон лезли, чтоб испортить ему жизнь. Спустя буквально час после спасения заложницы Ползуна сперва отстранили от службы, якобы, за многочисленные нарушения полицейского устава и нерадивое отношение к работе, а чуть погодя капитан ему так прямо и намекнул: мол, давай-ка ты, друг ретивый, потихоньку уволишься из полиции, желательно без шума и пыли. Отговаривать мы тебя от этого, уж прости, не будем, да и тебе, дескать, сопротивляться не советуем. Силёнок не хватит.

А парень и не думал сопротивляться или, сверх того, качать права. Он уже понял, чем хочет заниматься и где именно работать – в компании "Витрувий" в отделе по борьбе с нейропротезной преступностью. Едва только его с позором отстранили от службы и забрали у него табельное оружие, Рустам, не раздумывая ни секунды, отправился прямиком в центральный офис "Витрувия", да не к кому-то, а сразу к главе отдела – Стовпенко Сергею Борисовичу. На удивление, старик весьма радушно принял свежего отставника и даже

пообещал тому уладить любые моменты по увольнению из органов, и всё исключительно потому, что оперативников в отделе критически не хватало. “Сам понимаешь, зарплата у нас не ахти какая, в полиции платят всё же побольше. Ну а рисков пулю или лазер словить тут раз этак в пять выше. Кто ж пойдёт на такие условия? - развёл руками будущий Рустамов руководитель. – Год уже напарника Коле Тютчеву не можем найти. А он у меня парень хороший, исполнительный, головой постоянно рискует, ему б помощник ой как пригодился спину прикрывать! Тем более сейчас, когда повсюду в городе *экспрессы*”.

Экспрессы, не то слово! За три года, что Ползун служил в полиции, всякое, конечно, в городе случалось, но чтоб такое, да ещё помножённое на два, - нет, этого не было.

- ОК. И каким же будет наше первое совместное задание, босс? – спросил тот самый “исполнительный парень” спустя сутки. – Надеюсь, что-нибудь позабористее? Мне ведь теперь надо должок нашему младшему лейтенанту вернуть.

“Смотри, как бы ты мне, наоборот, ещё больше не задолжал!” - язвительно подумал Ползун, внешне, однако, никак не выказав своего сомнения. Он видел вчера этого оперативника в деле и тот явно был далеко не в лучшей форме. Скорей, Тютчев походил на какую-то хмурую сутулую развалину, осовелую и потускневшую, и совсем он был далёк от той активной боевой единицы, которой так гордился многоуважаемый Сергей Борисович. Хотя бегал этот железноногий,

надо отдать ему должное, довольно резво. Видать, нейропротезы “Витрувий” и вправду выпускал весьма неплохие.

- Поверь мне, забористее некуда! – заверил своего подчинённого Стовпенко. – Вам, коршуны мои, я поручаю критически важное задание - найти и захватить выродка Карабаса. Губернатор по поводу всей этой канители высказался чётко и ясно: незаконную деятельность, связанную с разного рода левыми прошивками, надо пресечь. Быстро, жёстко и как минимум до конца парада, если уж не выйдет насовсем. Одно дело, когда эти прошитые тихо-мирно себе там чем-то занимаются, и совершенно другое, когда они гражданских на части пилят среди бела дня. Бросая тень на весь наш город и его уважаемого главу, и это - перед столь важным мероприятием! – потряс он своим толстым указательным пальцем. – Короче, мужики, голову преступной гадине пора отрубить, причём сделать это вам нужно в самые кратчайшие сроки. Времени, чтоб пузыри пускать, у нас с вами нет. Есть вопросы?

- Поймать Карабаса, шеф? – задал Тютчев единственный уточняющий вопрос. У Ползуна же их, в отличие от его старшего колеи, было значительно больше.

- Как вы сказали? Ка… Карабаса? - неподдельно удивился Рустам. Ему показалось, что он услышал имя какого-то мультперсонажа, а не реально существующего человека. – Никогда не слышал о таком. Это фамилия или бандитская кличка?

- Витрувий, дай, пожалуйста, справку по Никите Савичу Карабасову, - вместо ответа произнёс шеф. Тон у Стовпенко вроде бы был абсолютно спокойным, но весь вид старика так прямо и говорил: “и чему вас только учат там, в этой вашей полиции? Возмутительная безграмотность!”

В центре его рабочего стола тут же заголубела голограмма, и из колонок по бокам заструился услужливый женский голос с привычным для подобных помощников металлическим оттенком:

- Никита Савич Карабасов. В преступных кругах прозвище Карабас, Садист или Хлыст. Сорока двух лет от роду, холост, зарегистрированных детей не имеет. В прошлом воррецидивист, контрабандист, скупщик краденного и криптомошенник. В настоящем занимается хищением, продажей и незаконной перепрошивкой электронных имплантатов и протезов. Оперативному отделу “Витрувия” известно о минимум пяти преступных бандформированиях, в которых Карабасов значится главарём и о минимум девяти фирмах-однодневках, в которых он, по данным местной полиции, был настоящим собственником. Кроме того, его подозревают в скрытом финансировании двенадцати городских спа-салонов, семи стриптиз-баров, а также одного садомазохистского клуба, где, судя по данным всё той же полиции, его несколько раз видели в качестве гостя.

“Интересно, он ходил туда как тот, кто причиняет боль или как тот, кто любит её испытывать”? – повеселился про

себя Рустам и еле сдержался, чтоб не прыснуть со смеху.

Представленный на голограмме мужчина, правда, совсем не походил на того, кто от кого-то хоть что-то терпит. Напротив, это был субъект ожесточённый и властный, любящий пугать, принуждать и причинять боль, много боли. На всех имеющихся фотографиях он держал в руках вполне себе подходящий для этих целей предмет - плазменный хлыст фирмы “Razor”, за который он, видимо, и получил своё второе, “хлёсткое” прозвище. Взгляд у Карабасова был крайне неприятный, пронизывающий, на левой щеке у него имелся стильный зигзагообразный шрам, а из-под полуоткрытого рта торчали подпиленные для вящего устрашения клыки. Сущий вурдалак, не иначе!

“Не, ну такого колоритного подонка поймать будет легче лёгкого!” – мысленно заключил Ползун с высоты своего трёхлетнего опыта. Однако его новый напарник, похоже, тот ещё зануда, был совершенно другого мнения.

- Простите меня за моё сомнение, босс, но как мы его отловим в кратчайшие сроки, если проклятые копы всю инфу по его местонахождению от нас скрывают? – Тут оперативник на мгновение запнулся, видимо, сообразив, что рядом с ним стоит вчерашний коп, но потом как, ни в чём не бывало, продолжил:

- Система распознавания лиц на Карабасова не реагирует, потому что он кого надо в полиции подмазал, и его необъятная рожа в базе данных не фигурирует, как не ищи. Ин-

формацию по счетам тоже не запросить. Пробовали уже раз, наверно, десять, банки на конфиденциальность эту чёртову постоянно ссылаются. Хотя вот мои данные, например, есть чуть ли не у каждого мошенника страны! Оно и понятно – я ж не миллионер какой-нибудь подпольный, - здесь в его словах как будто даже горечь некая проскользнула или, по крайней мере, Рустаму так показалось. – Про городские камеры я вообще молчу. К сети явно подключена нейросетка, которые все изображения с этим ублюдком блочит. Наши айтишники пытались её отрубить, пытались….Хрен там, как говорится, плавал! Поэтому я не совсем догоняю, Сергей Борисович, что мы тут в паре с этим салагой, – он кивнул на Ползуна, – можем предпринять? Вариантов я что-то совсем не вижу. Разве только на ногу мою его попробовать поймать и то, если Карабасов…гм…. раритет любит.

Парень не хотел, а всё равно ненароком посмотрел на ножной протез своего напарника. Потёртый, исцарапанный, без каких-то внешних украшений и серьёзных апгрейдов, даже без светодиодов. И кому такой мог бы понадобиться? Ползун, конечно, как человек со всеми родными конечностями, ничего не смыслил в этих штуках, но это было и не нужно, - вид ноги его коллеги говорил сам за себя. Уж точно не “подпольному миллионеру” за таким барахлом охотиться!

Стовпенко, как оказалось, был того же мнения.

- Пф-ф-ф! – дунул он в свои седые усы с такой силой, что ближайшие к нему бумажки слетели со стола. - С тем же

успехом, Коля, ты мог выйти на улицу и тормозить всех, у кого есть шрам на щеке. Нет, ребятки, ваши конечности Карабасу, уверен, без интереса. Не из тех он, кто на мужские икры засматривается…. А вот конечности одной мадам, думаю, смогли бы завлечь старого развратника. И это я сейчас не про себя говорю, - добавил он, и кончики его усов едва заметно качнулись от улыбки. – Ты как, Колёк, готов старую знакомую навестить? Она наверняка по тебе поскучилась!

Рустам понятие не имел, о какой именно старой знакомой идёт речь, зато вот Тютчев моментально всё понял. И тут же аккуратно запротестовал:

- Привлечь Полину, шеф? – неприятно удивился он. – Вы… Вы серьёзно?.. Нет, так-то она по внешке стопроцентов подходит, тут вопросов ноль, но она же сейчас лицо гражданское, к "Витрувию" отношения не имеет. Сомневаюсь, что ей захочется вписываться в это дело даже если я её попрошу…. Да и зачем? Что мы ей можем дать, у? Она ж на онлайн трансляциях бабки, поди, лопатой теперь гребёт! А у нас даже на кофе машину в офис денег нет.

- Может и так, Коля, может и так, - не стал спорить Стовпенко, - но попытаться надо. Услышал меня? На-до, - по слогам повторил он. – У нас с вами, орлы, не то чтобы как-то слишком много других вариантов осталось. Сам ведь минуту назад сказал, что через камеры и эту, как её … рожезасекательную систему Карабаса не отследишь. Копы нам в этом деле, увы, не помощники, работяг тех покойных нам тоже

теперь никак не допросить, хоть я и сомневаюсь, что в этом допросе был бы даже малюсенький толк. Остаётся только одно – Полина. Не женщина, а просто вах – богиня! – изобразил он грузинский акцент неожиданно. На взгляд Рустама, вышло очень даже неплохо. – Особа она, конечно, *экстрацентричная*, с характером, зато какие ножки! На такие кто угодно клюнет - это я тебе как опытный человек говорю…. Да-да, не смотрите, ребятки, что я пенёк уже старый! Красавиц за свой век и я немало повидал. Есть с кем сравнить.

Ползун собирался было сказать, что Сергей Борисович и сейчас вполне себе живчик и вовсе он не старый, но не успел. Стовпенко сегодня слишком торопился.

- Всё-всё, давайте, свободны! – нетерпеливо махнул он в сторону выхода, явно не желая слушать, что там оперативник хотел ему возразить. - Через два часа жду от вас хороших новостей, потом решу, что дальше делать…. И да, Коль! – остановил он Тютчева уже в дверях. – Купи ей что ли цветов каких-нибудь или хотя бы конфетки. Не будь сухарём последним, обрадуй девушку, а то я знаю тебя!

“А вот я пока не знаю, - резонно подумал Рустам, с интересом глядя на своего старшего напарника. – Но ничего. Будет ещё время познакомиться!”

****

После брифинга у начальника Ползун отчаянно нуждался в пояснениях, и в какой-то степени они их от Коли получил по дороге на задание. Вклинившись в общий поток нетороп-

ливых машин и резвых дронов-доставщиков, Тютчев набрал на ЖК-дисплее адрес этой самой Полины и с облегчением откинулся на спинку водительского сиденья, делегируя всю остальную работу автопилоту. Заходить за цветами, конфетами или чем-то подобным он не стал, мотивировав это тем, что девушка всё это не любит.

Свою раненую во вчерашней перестрелке руку мужчина осторожно примостил рядом на подлокотнике, а обе ноги бесцеремонно закинул на торпедо, из-за чего пластик приборной панели жалобно затрещал от натуги. По всему было видать, что оперативник просто изнывает от боли в своей натруженной спине и не начёт рассказ до тех пор, пока толком не расслабится. Побочный эффект от работы на "Витрувий"? Рустам не знал ответ на этот вопрос и спросить в первый же день знакомства не решался.

А рассказать Коле и вправду было что, ведь Ползун совсем ничего не знал про внутреннюю кухню их отдела. Какая ещё Полина? Зачем Борисычу так сдался этот Карабас-Барабас? Каким образом они вообще планируют его ловить и, наконец, почему допрашивать убийц из ботанического, по словам босса, не имело бы особого смысла? Просто загадка на загадке, упакованная в загадку покрупнее, точно в типичном закрученном детективе далёкого прошлого. Никакой конкретики, к которой он, будучи полицейским, так привык.

Пейзаж за окном тем временем максимально располагал

к восприятию информации. С расстояния ста метров от земли люди и другие мелкие суетливые объекты стали едва заметными пятнами и точками, зато всё, что находилось с Рустамом на одной высоте, выглядело предельно чётко и монументально, из-за чего он, сидя в машине, ощущал себя натуральным лилипутом, что осмелился подняться до уровня великанов. Стеклянные небоскребы с вывесками-голограммами сменялись то вычурным шпилем какого-нибудь университета, то слепящими куполами огромных церквей, то острыми, словно иглы, антеннами башен связи. Примерно на высоте, где бы у великанов могли находиться колени, гибкими линиями проходили тонкие рельсы, на которых временами возникали и тут же пропадали блестящие стремительные линии, которые на деле являлись обычными поездами на магнитной подушке. Настоящая кровеносная система всего этого необъятного города! Причём, даже цвета у локомотивов и вагонов были, как в учебнике по анатомии: красные и голубые.

Над их головами, кстати, картинка тоже не была статичной. За время полёта до нужного адреса Рустам успел заметить пять полицейских машин, две скорых помощи с включёнными маячками, а один раз их на секунду-другую накрыла тень от грузовой баржи “Ной”, что бесшумно плыла по своему, отдельному от общих трасс маршруту. Глядя на этот массивный пятисоттонный куб, царя всех воздушных машин, Ползун вдруг вспомнил, как однажды ещё стажёром,

он присутствовал на месте падения точно такой же махины на старый малоэтажный дом. Это был первый раз в его жизни, когда он увидел так много обезображенных человеческих тел одновременно. И вот вчера, в ботаническом саду, был раз второй.

Та-а-к, - певуче заговорил Тютчев, нарушая неловкую тишину. Настроение у него заметно улучшилось по сравнению с тем, что было с утра, и даже мешки под его глазами как будто бы чуть-чуть разгладились. Не иначе, всему причиной была та "старая знакомая", которую они прямо сейчас летели навещать. - Давай-ка мы с тобой, Рустам, быстренько пробежимся по целям нашего задания. Брифинг у шефа был довольно…гм… скомканным, и ты, наверно, хочешь понять, почему в первый же твой рабочий день нас отправили искать какую-то девушку, я верно угадал? Говори смелей, не стесняйся!

- Знаешь, у меня нет привычки обсуждать приказы начальства, поэтому я, наверно, воздержусь, - сухо ответил ему Ползун. Он не хотел вот так вот сразу грубить старшему оперативнику, тем более что информация была и вправду ему нужна, но Рустама слегка коробил тот фривольный формат, в котором это всё подавалось. Ну какое лежание на спине, какие ноги на торпедо? Они что, в чайхане сидят, кальян курят? Где хотя бы элементарные нормы служебного приличия?

- Может у вас в полиции и не обсуждают, - протянул Коля,

с трудом подавив свой зевок, - но у нас, чтобы тебе чего-нибудь ненароком не отстрелили, надо думать своей головой. Причём постоянно. А поскольку ты, друг мой, пока знать ничего не знаешь о нашей работе, твой головой на время буду я, но не надейся, что надолго! В идеале вообще надо, чтобы ты на лету всё схватывал точно хренов вундеркинд. Ни мне, ни Сергею Борисовичу балласт здесь, пойми, не нужен.

“Посмотрим ещё, кто из нас двоих тут балласт!” – огрызнулся Ползун, правда, пока только в своих мыслях. Советы по выживанию от того, кого он спас буквально вчера, Рустама откровенно бесили.

В противовес ему Коля, наоборот, выглядел, как человек, который за эти короткие полчаса познал смысл вселенной, не меньше. Находясь всё в той же позе скучающего бездельника, он не спеша посвятил своего напарника во все тонкости предстоящего задания и даже в его сторону ни разу не взглянул, будто сам с собою разговаривал.

Как Ползун и догадался из диалога у Стовпенко, Полина некоторое время назад была сотрудницей “Витрувия”. Да не просто сотрудницей, а целой младшей оперативницей, которая на протяжении примерно полугода прикрывала Коле спину, пока в итоге не уволилась. Ушла же она не потому что не справлялась с работой или у неё не сложились отношения с коллегами. Вовсе нет! Дело оказалось банально в деньгах, которые она начала зарабатывать в сольных онлайн-трансляциях, снимаясь в них преимущественно голой и далеко не

чаёк на камеру попевая. Об этом едва ли не последним из всех узнал их общий начальник Сергей Борисович и строго поставил девушку перед фактом. Выбирай, мол, дорогая моя: либо оперативный отдел, пот, кровь и достоинство, либо всякие интернет-мерзости - доходное, но позорящее человека занятия. Полина, не думая слишком долго и понимая, что молодость даётся только один раз, выбрала второе, пусть ей и не хотелось покидать преимущественно мужской коллектив, где у неё всё получалось.

Мужской коллектив, к слову сказать, тоже страшно не хотел, чтоб она уходила, однако кодекс поведения "Витрувия" запрещает своим работникам раздеваться на камеру, за исключением съёмок для личного пользования. Тут даже всемогущий, казалось бы, Стовпенко со всем его авторитетом, положением и связями был полностью бессилен. И вот теперь, когда отделу срочно потребовалось подсадная утка в виде длинноногой любительницы разврата, перед которой не устоит даже опытный посетитель садо-мазо клубов, начальство вдруг вспомнило о своём гадком утёнке по имени Полина Илюшина. И отправило одного из своих сотрудников к ней на поклон: договариваться, просить, умолять. По крайней мере, таким был вывод Рустама по итогу их с Тютчевым разговора, потому что парень так до конца и не понял, как именно Коля собирается её уговаривать. Уж точно не с помощью своей магнетически-мощной харизмы!

На вопрос же, почему доселе осторожный Карабасов

вдруг клюнет на очередную любительницу плётки, пускай и вполне себе сексапильную, Тютчев ответил быстро и безапелляционно: “За столько лет мы его психологический портрет изучили от и до. Он любит блогерш и девушек недоступных, поэтому Полина тут идеально подходит. Она снимается исключительно соло, партнёров к себе, ни мужчин, ни женщин, не зовёт. Карабас по-любому купится, я тебя уверяю!”.

Откуда он узнал, что Илюшина снимается исключительно соло, Рустам спрашивать не стал. И так понятно, что Тютчев – это её постоянный зритель.

- Более того, я практически уверен, что этот ублюдок уже пытался её купить. Ещё тут, в “Витрувии”, она мне рассказывала, что ей частенько донатил очень крупные суммы какой-то онлайн-шейх и настойчиво приглашал встретиться в оффлайне. Не факт, конечно, что это был именно Карабасов, но вот мы скоро и узнаем правду!.. Или не узнаем, если в нашем плане вдруг что-то пойдёт через одно место, - пессимистично добавил он.

Голосовой помощник автопилота возвестил о том, что они прибыли к месту назначения, и Ползун с интересом взглянул на дом, где живёт экс витрувианка, а ныне – стримерша откровенного контента. Это был современный жилой комплекс комфорт класса, построенный по последнему писку архитектурной моды и расположенный в новом молодёжном микрорайоне. Само здание от основания и до самого своего

верха выглядело, как этакие рога древовидного коралла, которые, расходясь в две разные стороны, обрастали дополнительными щупальцами, переставляющими собой отдельные блоки из пяти-шести квартир. Плюсом такого жилья, помимо его экстравагантного вида и высокой стоимости на вторичном рынке, была, разумеется, обособленность щупалец от других этажей, подъездов и парковок. При желании и наличии определённой суммы денег, можно было вообще выкупить все квартиры в блоке и жить там себе припеваючи в тишине и спокойствии. Один минус: для того, чтобы попасть в любой из отростков выше второго этажа, нужно обязательно иметь летающий кар, иначе по-другому ты в своей квартире не окажешься. Ни лифты, ни лестницы к щупальцам не вели – конструкция здания не позволяла. Единственное, что хоть как-то объединяло все эти разрозненные куски между собой – это система канализации. Всё же спускать на прохожих грязную воду и прочие отходы жизнедеятельности нельзя было даже собственникам жилья комфорт класса. Пока, по крайне мере.

- Фига се!– уважительно присвистнул Тютчев, паркуя машину на крыше нужного им блока. – А раньше я её из общаги старой забирал, где стены картонные были… Мда-а, не зря всё-таки Полинка ушла из отдела. В нём бы она даже на дверь от местной квартиры не заработала. Молодец, девчонка!

- А, по-моему, дверь как дверь, - равнодушно пожал пле-

чами Рустам. Современное жильё, тем более столь оригинальной конструкции, его не сильно-то впечатляло.

И ровно также его нисколько не впечатлила внешность стримерши, хоть он и был согласен, что ноги у Полины действительно “от ушей”; тут Стовпенко не приукрасил. Однако в остальном это была вполне себе заурядная девушка. На улице таких, как говорится, миллион и больше ходит: вся переделанная, с апгрейдами, - ничего настоящего! Глаза искусственные, ярко-бирюзовые, в щёки вставлены сетчатые карбоновые пластины, вместо волос модный нынче гирляндовый парик, мерцающий огнями точно новогодняя ёлка. Хочешь, загорится оранжевым цветом, хочешь зелёным, а хочешь вообще каждая прядь парика начнёт светиться или мигать вразнобой, - световых режимов у этого девайса имелось за две сотни. Какого же цвета у девушки были свои, родные волосы помнит, наверно, только её школьная фотография. До момента наступления совершеннолетия людям по закону запрещалось делать себе апгрейды внешности, если он нужны чисто для красоты. А вот после сколько угодно, чем Илюшина, очевидно, в последние годы и занималась.

Всю дорогу до адреса Ползун слегка переживал, что Полина встретит их в неподобающем виде, например, в халате или, ещё хуже, в бикини. Да, Коля предупредил бывшую коллегу о визите, но кто ж их, этих стримерш, знает! Парень придерживался стойких убеждений, что демонстрировать своё голое тело на всеобщее обозрение, пускай и за до-

наты, дело нормальной девушки не достойное, поэтому ожидал от неё всего, что угодно. К счастью, сейчас Илюшина была одета вполне себе прилично: в тёмно-синие джинсы, белую футболку с огромным принтом в виде сердца, пронзённого стрелой, и если б не стримерское оборудование и полки со взрослыми "игрушками", что виднелись за её спиной, вряд ли можно было с первого взгляда уличить девицу в чём-то подобном. Но это ровно до тех пор, пока она не заговорила.

- Коля, пупсик, вот это да, что за неожиданность! – воскликнула она и кинулась ему на шею обниматься. – О, ты ещё и не один. Друга с собой привёл, - кокетливо добавила она, с нескрываемым любопытством оглядывая Рустама с ног до головы. – Никак хотите тройничок со мной на камеру устроить, а? Чур, тогда девяносто процентов с донатов мои, десять ваши. На большее не согласна. Зайдёте?

Тютчев легко принял предложение девушки зайти, но Ползун, как стоял, опешив, на пороге, так там и остался. Слово "тройничок" всё ещё вертелось у него в голове, как нечто такое, что нещадно подрывало все его моральные устои. И это не укрылось от внимательных глаз хозяйки:

- Ладно, расслабься, как-тебя-там! – тряхнула она своими мигающими прядями. – Шучу я, шучу. Не будет вам никакого тройничка. Будет только соло, а вы тихонько посидите, посмотрите. Ну, или не тихонько. Всё в ваших руках, ребята! – с пошлым намёком подытожила она.

- Меня зовут Рустам, - сухо отозвался парень, закрывая за собою входную дверь. – И мы здесь не за этим, Полина Сергеевна. Мы по делу государственной важности пришли.

- Умоляю тебя, напарник, давай без этого твоего полицейского пафоса! – сморщился Тютчев. – Она же просто над нами нагло прикалывается, разве не видишь? Сдались ей мы с тобой, когда у неё во-он сколько друзей-приятелей имеется, - мотнул он рукой на полки со всякими фаллообразными штуковинами.

- Причём, заметь, всегда безотказных! - хохотнула стримерша в ответ. - Так значит ты, Рустамчик, полицейский? - задумчиво и почти уважительно переспросила девушка, продолжая поглядывать на плечистого молодого человека.

- Да. Только бывший, - поправил он её.

- Ага! – кивнула Полина. – Бывший полицейский, бывшая младшая оперативница. Сколько же в этой комнате… бывших! - со значением взглянула она на Тютчева.

Тот сделал вид, будто не заметил очевидного намёка, а Рустам после этих слов лишь укрепился во мнении, что Колю с девушкой на работе связывали не только профессиональные, но и романтические отношения. Возможно, не так уж и неправ был престарелый начальник сегодня утром, когда предложил им использовать Илюшину. Знал, старый, что былые чувства вполне способны делу помочь, стоит только эти самые чувства слегка всколыхнуть. Расстались бывшие коллеги, судя по всему, неплохо, без больших обид друг

на друга и серьёзных разрушительных скандалов, а это значит, что стратегически расчёт босса оказался верным. Теперь оставалось всего ничего: не ошибиться с тактикой и тактом. Задача для дуболома вроде Тютчева не то чтобы тривиальная.

- Увы, Поля, бывших станет намного больше, если ты нам срочно не поможешь, - нарочито трагическим голосом заговорил он, избрав, по-видимому, тактику "пожалей несчастного". – Я-то ладно, справлюсь как-нибудь, не через такую жесть в своей жизни проходил, а вот обычных гражданских может погибнуть до черта и больше! Читала в инете про бойню в Ботаническом?

Подсвеченное гирляндами личико девушки внезапно нахмурилось:

- Читала, - недовольно буркнула Илюшина. – И на эти твои тупые манипуляции, Коль, не куплюсь! Чихать я хотела на спасение людей, чьи-то там ненесчастные судьбы и человеческий долг. Меня этим, знаешь ли, не соблазнишь. Даже не старайся, пупсик!

Поняв, что его тактика с треском провалилась, мужчина в один миг переменил манеру речи и прямо так в лоб её и спросил:

- Хорошо. Тогда скажи, а чем тебя *можно* соблазнить? Не деньгами же? – предположил он и сам рассмеялся оттого, как нелепо это звучит. – Ты ведь знаешь, что наш отдел беднее самого последнего бомжа. Третий год уже несчастную кофе

машину у начальства просим, просим - одни отмазки в ответ. Экономисты никак не согласовывают…. Да что я тебе это рассказываю! Ты, поди, и сама всё прекрасно помнишь. О финансовой несостоятельности нашей оперативной службы ходят целые легенды!

- Помню, - согласилась девушка, задумчиво разглаживая одну из своих многочисленных искусственных прядей. – Бюрократия у вас там – ух! Просто антипод оперативности. Представляешь, целую неделю их обходный лист ходила, подписывала, пока "Витрувий" не дал мне пинка под мой стройный зад, - пожаловалась она Ползуну и будто ненароком провела ладошкой по своей пятой точке. - Парень присмотрелся: действительно, стройный. Тут, в общем-то, вопросов никаких!

– И всё-таки есть кое-что, ради чего я бы согласилась помочь, – задумчиво добавила она и хищно улыбнулась, обнажив свои ослепительно-белые зубки. – Только мне нужно твоё согласие, Коль. Твоё честное слово. Не компании, а твоё, понял? Слову компании я не доверяю.

- Считай, что оно у тебя в кармане, - подтвердил мужчина со всей серьёзностью. - Ещё что-нибудь?

- Да. Нейропротез, серийный номер 6910101ВА, - без запинки отчеканила она. –Исключительно телесного цвета и, желательно, новый. Б/у мне не нужен. Можно без дополнительного блока питания, если такой будет проще достать. Остальное не важно.

Тютчев проворно забил этот номер в поисковую строку своего планшета. Результат поверг его в натуральное изумление. Он даже перепроверил несколько раз, нет ли тут какой-нибудь ошибки, однако пытливый взгляд стримерши давал понять – Коля нашёл именно то, что ей нужно.

- Ну! – не выдержал Рустам. – Что там? Какая-то дефицитная редкость?

Губы старшего оперативника растянулись в растерянной улыбке.

- Вагина с тентаклями, - коротко пояснил он.

- Ч-чего? – опешил парень, не веря своим ушам. – Вагина с…. Это что ещё, блин, за хрень такая?!

- Её условия, - пожал плечами Тютчев. Если ему и был неприятен такой заказ, то он никак не показал виду. – Конечно, найти её будет непросто. Тем более, неиспользованную, всё-таки эти протезы уже года два как с производства сняли, но я что-нибудь придумаю... Кстати, а ты знаешь, Поль, что эти штуки весьма травмоопасные? Может, тебе не нужна, прям, с тентаклями? Обычную я б за пару дней надыбал. И в больничку заодно не загремишь.

- Ой, да расслабьтесь, мальчики! - скорчила стримерша усталую гримаску. – Вы что, хентай порно не смотрели что ли ни разу? В инете этого добра на миллионы гигабайтов лежит: и с щупальцами есть, и с челюстями всякими, и с пропеллерами, - и никто ещё от этого не пострадал…. Ну, из тех, кто такие протезы носит, я имею в виду. Их партнёры-то

увечья получали, было дело, но я стримлю исключительно соло, поэтому всё будет чик-пик!

“Мать моя женщина! – обалдело подумал про себя Ползун. – И эта дамочка когда-то работала в органах правопорядка! Сергей Борисович себе в цирке уродов сотрудников набирал от безысходности? А остальные у него, интересно, кто? Тоже, небось, тоже какие-нибудь фрики? Не удивлюсь, если так. Чёрт, не удивлюсь!“

В своих размышлениях Рустам был опять довольно близок к истине. Другие два оперативника из команды Стовпенко выглядели не менее экстравагантно, парень просто пока их ещё не встречал. А как встретит, Полине в его топе фриков наверняка придётся потесниться.

Глава 4

Тютчев был не единственным старшим оперативником в городском отделе по борьбе с нейропротезной преступностью, но единственным, кто до сегодняшнего дня оставался без напарника. Пете Гиляровскому, в отличие от своего сутулого сослуживца, повезло значительно больше. Он вот уже два года как натаскивал молодого помощника по имени Вася Рогов - стеснительного рябого юношу лет двадцати пяти, обожающего виртуальную реальность и всё, что с нею связано. Паренёк ещё в колледже настолько сросся с искусственным миром интернета и компьютерных игр, что не хотел расставаться с ним ни на минуту, из-за чего везде и всюду ходил со шлемом на голове. Не важно, нужно ли ему было в туалет,

на работу или в кафе на свидание – пластиковый "головной убор" был неизменно на нём. Попадал же он в виртуальную реальность, как и все любители такого образа жизни, с помощью чипа, вживлённого ему в спинной мозг, куда напрямую через гнездо можно было подключать различные гаджеты. В первую очередь этот самый шлем, но не только.

При этом нельзя было сказать, что его движения как-то отличались от движений обычных людей, живущих без подобных девайсов. Нормально ориентироваться в пространстве Васе помогали две современные технологии. Первой была умная видеокамера с микрофоном, что крепилась по центру шлема и транслировала ему высококачественное изображение прямиком на сетчатку глаза, формат которого он мог моментально сузить до крохотного окна или вовсе его свернуть, чтобы ничто не отвлекало его от интересных вещей в виртуальной реальности. Второй же вспомогательной технологией был синтетический нейровестибулярный аппарат (СНА) – искусственный орган, помогавший Васе ходить прямо, не падать и не теряться в окружающем его пространстве. Для этого в его любимый шлем была вмонтирована целая россыпь специальных высокочувствительных сенсоров-уловителей. Вращаясь на все триста шестьдесят градусов, они снабжали мозг Рогова необходимой информацией через этот самый СНА. Имея дополнительный блок питания, парнишка мог до трёх суток подряд ходить в этой нелепой пирамидообразной нашлёпке и снимал он её только тогда,

когда девайсу нужна была подзарядка или Васе хотелось банально помыться. Он даже спал лёжа в шлеме, причём максимально близко к розетке, из-за чего ни одна девушка не задерживалась у него в квартире дольше, чем на одну ночь. И правда, кому нужен молодой человек, который на свою пассию глядит исключительно через призму видеокамеры, а родными глазами взглянуть не хочет? Наверно, только точно такой же любительнице "виртуалки", но Рогову с ней пока ещё не повезло повстречаться.

Зато ему повезло попасть в напарники к Пете Гиляровскому, которого недаром ребята в отделе прозвали "танком". В первую очередь, конечно, за его внешность, а во вторую за его безрассудную смелость и легендарную отвагу, воспетую в анналах "Витрувия". Если вдруг возникала критическая ситуация, когда кого-то из сослуживцев или гражданских нужно было срочно заслонить от пули, иглы или какого-нибудь убийственного лазера, мужчина грудью вставал на пути опасности и принимал весь урон на себя. Число спасённых им таким образом людей давно уже перевалило за пятьдесят, число же раз, когда его представляли к награде – за двенадцать. А ещё он любил грозно переть на врагов сметающим всё и вся локомотивом, невзирая на их количество и вооружение, что также расценивалось руководством, как полнейшее безрассудство, хоть нынешнее физическое состояние Пети это и позволяло. Его тело на пятьдесят шесть процентов состояло из различных металлических и органических сплавов, и по-

сторонние его считали, скорей, андроидом, чем человеком, но те, кто знал Гиляровского лично, с этим бы категорически не согласились. Мало ли у кого какой там процент искусственных органов имеется? Во времена, когда некоторые чудаки меняли свою внешность исключительно ради интернет-хайпа или желания выделиться из толпы, Петя хотя бы поменял себя по необходимости.

Подписав, как и Тютчев когда-то, контракт с Дифенс Министерством, он, в отличие от того же Коли, одной ногой не отделался. Его плата была куда как выше: сразу вся нижняя половина туловища почти до пупка. В окоп, где Гиля и его взвод отчаянно прятались от бесконечных бомбёжек, враг прямо на их головы сбросил гранату с дрона, и выход у Пети оставался ровно один: накрыть её своим массивным телом, дабы спасти всех тех, кто находился рядом, от ужасной смерти, что он, не раздумывая, и сделал. Как итог: трое юнцов из его взвода получили кто лёгкий испуг, кто пару осколков в тело, а вот их командиру гранатой разорвало всё, что у него было пониже желудка. Если бы не дрон-реаниматор, он бы даже до полевого госпиталя не дотянул.

Теперь мужчина вот уже много лет как был обладателем самого тяжёлого и самого крепкого опорно-двигательного аппарата во всём городе, а, возможно, и в стране. Нейрохирургам “Витрувия” впервые на практике удалось приладить его оборванные мышцы, органы и нервы к специальному туловищному протезу, разработанному на деньги неравнодуш-

ных к подвигу командира волонтёров. Вся эта титаническая работа не только вернула медленно умирающего Петю к жизни, но и дала ему полноценную возможность ходить. С дюжиной неудобств и ограничений, конечно, но выбирать тут Гиляровскому не то чтобы приходилось.

Со временем он привык жить с этой новой металлической половиной тела, и в оперативном отделе "Витрувия" заслуженно считался самой эффективной боевой единицей из всех. Обновлённый, он сейчас весил около трёхсот килограммов и мог играючи опрокинуть на бок электрокар, а если чуть-чуть постараться, то и электробус. Число же врагов, которых он раскидал одними только пинками, в данный момент давно уже перевалило за две сотни. Без серьёзного вооружения неприятелю лучше было не вступать с Петей в прямую схватку. Да и с серьёзным он, к слову сказать, тоже рисковал.

Вот взять, к примеру, случай, что произошёл на танковом заводе вчера. Какие-то обычные работяги вперемежку с омов-цами то ли с перепоя, то ли из-за обострившегося у них синдрома ПТСР, устроили на своих рабочих местах настоящую кровавую резню. Главным образом с помощью лазерных протезов-резаков, что имелись у них вместо рук, ну а кто-то обстрелял убегающих в панике людей из гвоздемёта, правда, ни в кого не попал. Прибывшему на место происшествия Гиляровскому понадобилось меньше четверти часа, чтобы разобраться со всеми обезумившими резчиками –

настолько бесполезным оказалось их оружие супротив Петиной брони.

Что же касается мужика - гвоздемётчика, то с ним, наоборот, пришлось повозиться. С перепуга он заперся на одном из складов готовой продукции, и если б не Васин талант вскрывать замки через внутреннюю сеть, выкуривать работягу пришлось бы довольно долго. А так стоило только двери достаточно отвориться, и Танк в один рывок "переехал" несчастного омов-ца будто молодое тоненькое деревце, только кости задорно захрустели. Даже удивительно, как этот работяга сумел протянуть ещё почти целый час в реанимации, пока в конечном итоге не умер. Петины рывки обычно бывали стопроцентов смертельными, и оперативника за это никто из начальства не судил. Все понимали: работа у мужика такая. Хочешь с людьми миндальничать – иди в сферу услуг.

Тем обиднее для него, привыкшего к адреналину и риску, оказалось новое задание, на которое Гилю вместе с Васей Шлемом отправил сегодня шеф. Опасностью и серьёзностью это задание на первый взгляд даже не пахло.

- Ну, какой ещё, нафиг, цирк! Какой, ёлки-моталки, клоун?! – возмущался Петя, сидя за рулём служебного электровэна, который обычно использовался для перевозки группы штурмовиков, но так как Гиляровский был габаритным мужчиной, то он один занимал почти половину салона. – Кольку со стажёром, вон, отправили Карабаса выслеживать, а мне с тобой какие-то жалкие объедки Борисыч оставил. Неспра-

ведливо, итио мать! Я что, хуже какого-то мальчишки полицейского по его мнению или как? Хоть бы в качестве поддержки меня задействовал.

Вася Рогов, прижатый массивным Петей вплотную к пассажирской двери, успокаивающе похлопал старшего напарника по плечу и примирительно сказал:

- Да ладно тебе, Гиль! Забей. Сдался тебе этот суппортинг. Чего ты там, свечку что ли держать собрался, пока эти двое бывших …. Ну, ты понял, в общем, - не стал продолжать парень. Вместо слов по центру его шлема возникли и потухли силуэты совокупляющихся животных, - второй по распространённости способ контакта с людьми, которым Вася активно пользовался. После речевого, разумеется. – Всё-таки у нашего одноногого поэта шансов уломать Польку гораздо больше, чем у тебя. Ну и плюс надо ведь чекнуть, на что этот Рустик-хрустик вообще способен. Бросить в чан с калом в первый же день – любимый способ нашего шефа, сам знаешь. Он и нас с тобою так прощупывал.

- Знаю я, знаю, – нетерпеливо отмахнулся от него гигант, из-за чего находящаяся в воздухе машина опасно качнулась от этого неаккуратного движения. – Погоди! - задумался он вдруг. – Как ты там сказал? Рустик-хрустик? Ты откуда это, блин, взял? Сам выдумал?

- Да не, фантазии бы не хватило. Просто я его полицейский файл взломал, - осклабился рыжий коллега. – Там, кстати, ничё интересного нет. Только вот этот его детский ник,

боевые навыки, да куча инфы про травмы всякие. – На шлеме загорелся монорельс, сбивающий человека. – Он ведь, как и ты, Гиль, адреналиновый нарик, оказывается. Любит своей задницей рисковать. Недавно вот с башенного крана на вингсьюте прыгал. – Возникло изображение, похожее на птеродактиля, и волнистые полоски, символизирующие движение ветра. – Я в инете видел. Он свой блог ведёт, где всякий такой контент выкладывает. Глянь на досуге, если интересно.

- В гробу я видал на это время тратить! – повторно отмахнулся от него Петя, но сейчас уже чуть тише. Минуту назад электровэн начал снижение к месту посадки, и тут было не до эмоций. За автопилотом на этом этапе нужен тотальный контроль, а то не ровен час и разбиться. – С другой стороны, - продолжил Гиляй, - стажёр этот реальной жизнью живёт хотя бы. Мой сын, вон, целыми днями какую-то дрянь про сиреневые кубы смотрит, просто спасу нет! В виртуалке я ему запрещаю больше двух часов в день сидеть, так он, вместо того, чтоб пойти на улицу, на сетчатку себе эту чушь вывел и ходит теперь по квартире, слюни пускает. Такой же зомбарь, как и ты, Васька!

-Руааар!! – проревели ему в ответ.

Петя подумал было, что это заревел от обиды его напарник, но звуки издавал вовсе не Рогов, а голограмма кибермедведя, которая шумно и нахраписто встречала гостей прямо на входе в цирк.

Внутри же этого, оформленного в виде гигантской кувшинки здания, ребят покорно и даже как будто испуганно поджидал тучный седой мужичок в клетчатом пиджаке и ярко-красном галстуке - здешний распорядитель. Утром он не смог помочь Пете и Васе по видеосвязи, сказав им, что нынешний адрес проживания Дьячкова ему доподлинно неизвестен и вообще, кроме общедоступных личных данных у него никакой другой информации нет. “Но вы приезжайте сюда, поспрошайте наших. Может, кто-то с ним поближе общался и знает, где Гоша сейчас. Мы ведь тут почти как семья. Живём сплочённо, по-приятельски. Всем друг с другом делимся“, - заверил их клетчатый пухляш с экрана.

Наверно, большинство артистов труппы действительно друг с другом чем-то делилось в силу приятельских или семейных отношений, но только не клоун-похититель детей Дьячков. Согласно базе данных “Витрувия” он был прописан и долгое время проживал в другом регионе страны, пять лет тому назад сделал там себе операцию по удлинению ног, после чего Гошины следы загадочным образом терялись. Что же касается цирка имени Корво Таврического, здесь он работал уже почти два года как, где квартировал всё это время непонятно, с коллегами ничем личным ни разу не делился и был как бы в стороне от всей остальной труппы. Никто не мог в точности сказать, зачем ему понадобился несчастный маленький мальчик из толпы и куда именно он с ним подевался.

Да что артисты! Даже вездесущие камеры слежения, натыканные просто по всему городу, не сумели засечь передвижения Дьячкова, потому что убегал он исключительно по крышам домов, где "око безопасности" было слепым и бесполезным. Несколько раз его на секунду-другую "подловили" видеорегистраторы электрокаров, ещё раза четыре он попался на глаза дронам-доставщикам, а затем беглый циркач как сквозь землю провалился.

Понимая, что похищение ребёнка – это дело в общем и целом крайне серьёзное, Сергей Борисович, скрипя зубами, обратился туда, куда обычно старался не обращаться – в полицию, однако на какой-то реальный толк с этой стороны шеф особо не рассчитывал. Можно было по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда местные копы и вправду оказывались полезны отделу Стовпенко. По большей же части полицейские просто напросто игнорировали запросы витрувианцев и отправляли их обращения в ящик с надписью "игнор" или "мусор".

И так поступали не только копы. В принципе все люди вне структуры "Витрувия" избегали словесных контактов с оперативниками, а некоторые при виде их специальных нашивок с известным рисунком Да Винчи и вовсе старались поскорей перейти на другую сторону улицы. В первую очередь это, разумеется, касалось тех, кто носил незаконно улучшенные или вовсе ворованные импланты и протезы. Вот взять хоть местных цирковых акробатов, каждый из которых

был буквально напичкан всевозможными апгрейдами на силу, ловкость и мобильность. У девяти из двенадцати артистов, согласно внутренней базы данных, имелось хотя бы одно мелкое нарушение, касавшееся правил пользования имплантами. Кто-то, например, не продлил аренду ноги или руки вовремя, кто-то просрочил выплату ежемесячного платежа по взятому в кредит чипу, ну а кто-то кустарным способом увеличил на несколько процентов мощность своих "игрушек", - что пусть и не поощрялось государством, но всерьёз им не наказывалось.

Однако чистота циркачей перед законом сегодня в последнюю очередь беспокоила Петю. Главным образом его интересовало всё, что было связано с Дьячковым, и он старательно выискивал любые зацепки по его возможному месту нахождения, но до сих пор, увы, ничего не нашёл.

- Господа, надеюсь, у вас всё хорошо? - заискивающим голосом поинтересовался седой распорядитель. Пока ни шатко ни валко шёл допрос акробатов, толстяк вроде бы находился в другом месте, но стоило только ребятам поговорить с последним циркачом, и пухляш вдруг неожиданно выскочил из-за ближайших декораций, словно кролик из шляпы. Никак, подслушивал их с Васей всё это время по-тихому? Что ж, вполне вероятно.

- У нас-то всё хорошо, а вот у тебя дела так себе, старичок, - нарочито строго отозвался Гиляровский. – Тридцать три, мать твою, нарушения, понимаешь? Тридцать три! Это

примерно по…, - он со скрипом прикинул в уме. – Примерно по три на каждого. Серьезный косяк для вашего увеселительного учреждения! Даже в борделях, иной раз, и то меньше бывает, но туда хотя бы дети не ходят. Дело твоё дрянь, дядя, как есть тебе говорю.

- Ага! – согласно с Петей Танком произнёс Васька Шлем. - И это мы ещё не всех ваших сотрудников чекнули. Кто знает, сколько фэйлов мы надыбаем потом? Может, и цирк тогда придётся закрывать и руководство к уголовке привлекать... Не хотелось бы так жестить, конечно, плюс мы ребятишек фана лишаем, но что поделаешь: закон – есть закон! – на экране в этот момент возникла плачущая медвежья морда с огромной каплей-слезой.

Распорядитель, кажется, и сам уже был готов вовсю расплакаться. Он явно не ожидал такого поворота событий и теперь лихорадочно думал о том, как бы ему выкрутиться из столь непростой, фактически гибельной ситуации, куда его загнал один нерадивый сотрудник.

- Напарник мой дело говорит, - продолжал давить напористый Петя, не давая седому менеджеру даже малейшей передышки. – Ваш Дьячков сто процентов незаконно себе ножки вкрутил, тут ведь и дураку понятно! Такие приколы штатно хрен где поставят, только в подпольных мастерских, а это уже не косяк даже. Это – косяк в кубе какой-то получается, смекаешь, дядя? Легко ваше заведение теперь точно не …. Стоп! – сообразил вдруг Гиляровский. До него наконец-то

начали доходить последние Васины слова и визуальные намёки. – У вас же медведь есть. Кибернетический. Я на входе видел... Э-э, не, брось отмазываться, старичок! – тормознул он трясущегося от волнения управленца. – На косолапого вашего там разве что только огромная стрелка не указывала. Сразу понятно – он у вас тут местная гордость, хайп и всё такое. А раз есть медведь, значит, есть и дрессировщик. Правильно я говорю?.. Я сказал, ПРАВИЛЬНО?! – натурально медвежьим голосом зарычал старший оперативник.

На толстяка-управленца сейчас больно было смотреть. Казалось, ещё чуть-чуть, и пухляш примется жевать свой нелепый яркий галстук, который он уже капитально скомкал за время Петиных нападок. Нет, столь ответственная позиции, как распорядитель цирка, была точно не для него.

- Да, г-господа, всё п-правильно…, – от волнения седовласый начал заикаться. – Д-дрессировщик у нас п-просто в другой части цирка, не з-здесь. Я не думал, что он вас з-заинтересует. Он у нас с-слегка нелюдимый …. Хотите провожу? – с надеждой в голосе предложил он.

- Валяй! – согласился Гиляровский, а сам внутренне напрягся.

В современных цирках от зверей давно уже осталось одно только название, поскольку инородных частей в их телах было куда больше, чем родных органов. По этому показателю некоторые крупные твари превосходили даже самого Петю - потрёпанного ветерана войны, которого лучшие нейрохи-

рурги страны штопали без малого четверо суток. Однако если у старшего оперативника всё ещё нетронутым оставалась его большая, чугунная по прочности, но не по составу, голова, то вот мозги цирковых животных конкретно так пичкали всякими чипами - имплантами, и смотреть на весь этот безжалостный технический прогресс лично Гиляровскому было невыносимо. Человек хотя бы сам решает, нужны ли ему такого рода операции или нет, а вот зверей редко кто когда спрашивает. Просто берут и мучают бессловесную животину в корыстных или схожих с корыстью целях, а людям в итоге – кратковременная потеха. “Паскудно всё, это, сынок, античеловечно, – объяснял он как-то раз своему младшенькому, когда мальчик заикнулся о походе в цирк. – Не пойдём мы в эту живодёрню, даже не проси! И ты, когда вырастешь, тоже лучше туда не ходи и детей своих не води. Понял?”

Сынок вроде всё в тот день понял, и больше папу об этом никогда не просил. Но сегодня, впервые за свою жизнь, Пете самому пришлось нарушить собственное обещание, чтобы выполнить приказ начальства. И от этого на душе у обычно позитивного Гиляровского было дюже отвратительно.

Дрессировщик кибермедведя и вправду нашёлся в другой части цирка, как и обещал перепуганный распорядитель. Это оказался физически очень сильный человек лет хорошо так за сорок с развитыми мышцами руки и груди, тело которого просто-таки пестрело витиеватыми татуировками, будто кто-то решил расписать чёрный маркер на его смуглой

коже. Причём татуировки у него были далёко не простые, как это могло показаться на первый взгляд, а динамично-интерактивные, с модным нынче эмоциональным подтекстом. Запрограммированные соответствующим образом в любой приличной тату-мастерской, они отражали реальное настроение их владельца, меняя свой цвет под ту или иную ситуацию. Сейчас, например, они были чёрного цвета, и это означало, что настроение у дрессировщика было весьма и весьма скверным. Если не сказать, похоронным.

И всё-таки татуированный циркач, несмотря на свои переливчатые рисунки, был вторым по колоритности героем этого угла цирка. Главным же лицом, а вернее, мордой, выступал он - кибернетический медведь, что сидел в клетке чуть позади своего хозяина и зловеще сверкал своим искусственным красным глазом на двух внезапных посетителей. Наполовину киборг - наполовину животное, он являл собой редкий и почти идеальный синтез высокопрочных сплавов, крепких мышц и не менее крепких костей, и был фактически безупречной машиной для убийства, хоть в цирке его держали вовсе не для этого. Передние лапы у него оказались свои, родные за исключением длинных стальных когтей, которые опасно поблескивали в тусклом свете клетки каждый раз, когда медведь двигался. Задние же лапы у топтыгина были механическими и при желании позволяли ему прыгать на серьёзные расстояния, - крайне полезная в рамках циркового шоу опция, но ультимативная и убийственная, если

это животное вдруг выйдет из-под контроля и пустится куда-нибудь в бега. Бока у косолапого для чего-то прикрывались массивными железными пластинами, как у военного корабля или бронетранспортёра, а левое ухо у него было наполовину покусано, что, вкупе с чёрной нашлёпкой на правый глаз, придавало зверю суровый пиратский вид. Ему только попугая для вящего сходства с древними разбойниками морей не хватало. Ну и ещё бутылки рома, наверно.

Гиляровский стоял и заворожено смотрел на этого совершенного как с научной, так и с природной точки зрения хищника, на время позабыв обо всём остальном. Местный кибермедведь отнюдь не выглядел, как хилая замученная жертва людских экспериментов. Наоборот, он выглядел как тот, кто в два щелчка способен уничтожить да хоть всё человечество целиком, тем более что апгрейды у него и вправду стояли серьёзные, а ещё на девяносто процентов они были незаконными, из-за чего его по правилам вообще полагалось усыпить. Обычно спокойный Петин сканер закатывал настоящую истерику всякий раз, когда наводился на косолапого, и потом у мужчины в ушах ещё долго стоял неприятный свист. С этой силой, вырвись она вдруг нечаянно на свободу, в одиночку не совладает никто: ни оперативник по прозвищу Танк, ни даже, вероятно, сам танк. И хозяин-дрессировщик, судя по его вызывающей позе, это отлично понимал.

- Вы Геннадий Фёдорович Беринг? – задал богатырь положенный по протоколу вопрос, хотя ответ на него он и так

прекрасно знал. – Мы оперативные сотрудники “Витрувия”, Пётр и Василий. Пришли задать вам несколько вопросов касательно вашего коллеги Дьячкова Георгия, а заодно проверить на законность апгрейды вашего питомца и ва…

- Ещё раз - кто вы? – резко перебил его дрессировщик, рассматривая обоих витрувианцев исподлобья.

Гиляровский страшно не любил, когда ему с ходу начинали дерзить, особенно какие-то татуированные качки. Таких наглецов он обычно сразу же осаживал, чтобы дальше беседа шла сугубо в том русле, в котором ему хотелось. Не стал исключением и сегодняшний случай.

- Ты на нашивки-то наши погляди, дядя! – рявкнул он на Беринга командирским голосом. – Небось, в цирк-то ваш слепых не принимают, иначе б такие места давно уж моргами назывались. В шары что ли долбишься, болван?

- А ты куда долбился, когда свой член с ногами потерял? – парировал дрессировщик. Вопреки обыкновению, механоидный образ старшего оперативника не произвёл особого впечатления на этого непропатченного смертного. Про худого Ваську Рогова в его нелепом продолговатом шлеме и говорить было нечего.

- Господа пришли из оперативного отдела, Ген. Это по поводу похищения мальчика. Пожалуйста, посотрудничай с ними, – поспешил исправить ситуацию толстячок менеджер, но, увы, слишком поздно. На него к этому моменту уже всем было абсолютно наплевать.

- Ну, братец, это ты зря! – мрачно ухмыльнулся Петя и сделал два угрожающих шага в сторону циркача, ощущая приятный зуд в кулаках. - Сейчас я тебе твою рожу так разукрашу – красней твоих наколок ублюдочных будет! На всю свою жизнь запомнишь, как над ветеранами ОМО стебаться, гадина…. Помолчи! – оборвал он пухляша, который взволнованно что-то там затараторил в попытке остановить драку. Распорядитель мигом оборвал свой словесный поток как от хорошей такой затрещины, и спустя мгновение, исчез столь же внезапно, как и появился.

- Ещё шаг, железнозадый, - грозно приосанился циркач, - и я выпущу Потапыча в подмогу, понял? Мне для этого даже к клетке подходить не надо. У меня с ним прямая связь через коннектор в башке, и слушается он моих команд беспрекословно, - в доказательство они впрямь похлопал себя по затылку, на котором виднелся тонкий еле заметный шрам от лазерного разреза. - Посмотрим тогда, кто кому рожу начистит! Что-то мне подсказывает, что битым из нас троих тут явно буду не я, - подытожил он издевательски. Татуировки артиста плавно перетекли с траурно-чёрного на агрессивно красный – прямой сигнал того, что настроение у их владельца заметно поменяло свой градус.

У Гиляровского в голове отсутствовал специальный коннектор для связи со своим напарником, как у Гены-артиста, но он был ему и не нужен. Васька в большинстве случаев и так неплохо понимал, что конкретно от него требуется, до-

статочно было на него лишь мельком посмотреть, а иногда чуть дольше и чуть выразительнее, но эффект почти всегда оказывался один и тот же - положительный. Вот и теперь паренёк практически моментально понял приказ старшего напарника, понимающе кивнул ему в ответ и промолвил только:

- Сделаю!

Обладая уникальными для оперативников "Витрувия" навыками взлома, он умел разгрызать такие крепкие "орешки" сетевого кода, перед которыми пасовали даже бывалые "белочки" из службы поддержки, хотя в ней и работали настоящие профи хакинга. Однако Васька в отличие от них, был не просто каким-то там профи, он был сущим мастером хакинга, лучшим из лучших, и мог взломать буквально что угодно, если это что угодно было хоть немного привязано к сети.

Сейчас, например, от юноши требовалось как можно скорее хакнуть мозги кибермедведя, чтобы лишить дерзкого дрессировщика его ультимативной поддержки, и оставить циркача с пустыми руками супротив разъярённого Гиляровского. И будь у одарённого мальчишки несколько больше времени, пусть даже пару-другую лишних мгновений, он бы несомненно с этим справился, не умел иначе, но, видимо, приказ был отдан Петей слишком поздно: косолапый уже выбрался из свой полутёмной клетки, и, судя по его повадкам, готовился напасть. Развёрстая пасть зверя демонстрировала огромные жёлтые клыки, от одного лишь вида которых нату-

рально холодела душа. Искусственный глаз хищника мерцал точно тлеющий уголёк, его задние механические лапы изготовились к прыжку, а передние, родные, собирались рвать и метать.

И не было ничего. Ни одного даже мало-мальски хлипкого препятствия, которое могло бы стать временной преградой на пути мохнатого. Оба оперативника оказались у кибермедведя, как на ладони: бери, да жуй их тёпленькими.

Ну, топтыгин и взял! Первым делом он напал на того, кто стоял к нему чуть ближе – на Ваську Шлема. Эффектный трюковой прыжок, и зверь боднул паренька точнёхонько в его беззащитный живот, да так сильно, что Рогов, словно теннисный мячик, отлетел куда-то в дальний угол помещения, сметая своим худым телом череду цирковых декораций и парочку одиноко стоящих предметов мебели. Гиляровский даже глазом моргнуть не успел, настолько быстро всё произошло: вот его напарник стоял справа от него – хлоп! – и вот он уже летит, согнувшись, в воздухе.

Для здоровья юноши этот удар вполне мог оказаться опасным или даже фатальным, если б не два пыльных мата, что по счастью ожидали молодого оперативника в конце его пути. “Все показатели жизнедеятельности в норме, внутренние органы не задеты. Сломаны два ребра, угрозы лёгким нет”, - обнадёжил Петю его внутренней сканер. Мальчишка был хоть и порядком потрёпан, но всё-таки жив, и это являлось хорошей новостью для Гиляровского. А вот то, что Вась-

ка больше не сможет прикрывать его металлическую пятую точку, было новостью плохой.

- Потапыч, ты чего, дружок?! – забеспокоился вдруг Беринг и без капли страха подбежал к своему подопечному, чтобы погладить того по спине. – Успокойся, мой хороший, не злись! Дяди оперативники сейчас уйдут, они уже всё поняли. А если нет, то я вышвырну их отсюда, обещаю! Они не заберут тебя у меня, не бойся, – ласково приговаривал он, наглаживая густую шёрстку косолапого. Татуировки у мужчины теперь стали нежно розовыми – прямой признак его серьёзной заботы и не менее серьёзной любви. – Нет-нет, никогда не заберут, не смогут! Руки у этих сволочей коротки….

Будто в доказательство того, что у него-то, у Потапыча, конечности никакие не короткие, зверь поднялся во всю свою трёхметровую высоту и одним взмахом когтистой лапы распорол любимому хозяину его татуированное горло. Тот удивлённо и вместе с тем картинно закатил глаза, сделал несколько пьяных кругов на одном и том же месте, после чего назад уже запрокинулась его голова и повисла на одном лишь лоскутке, что остался от шеи дрессировщика. Кровь радостным фонтаном хлынула из открытой раны артиста, куски его разорванного горла ошмётками разлетелись по всему помещению: часть из них намоталась на прутья решётки, часть попала на топтыгина, часть размазалась по стене. Это жестокое и вместе с тем драматическое выступление закончилось весьма выразительно: тело бывшего фаната

медведей нехотя осело на пол, а его чудо-татуировки вновь загорелись чёрным траурным цветом, только теперь на них была чётко видна надпись: “RIP”.

- Всё, отдрессировался, родной, – ехидно промолвил Петя, но радости по этому поводу мужчина отнюдь не испытывал. Он чувствовал, что с гибелью хозяина опасность быть разорванным на куски всё ещё не миновала. Наоборот, она только увеличилась! Руки оперативника медленно поползли в направлении пистолета-пулемёта на поясе.

Времени у Гиляровского оставалось критически мало, но шанс, который ему случайно подарил покойный артист, дал Пете хорошенько прицелиться из своего оружия. Метил он кибернетическому хищнику аккурат в его огромный ничем не прикрытый лоб, но слегка промахнулся и пустил очередь по чёрной пиратской нашлёпке, что была у медведя вместо правого глаза. Пули высекли из неё эффектные крупные искры красивого голубого цвета, нисколько не навредив своей основной цели, зато они неплохо так навредили соседней стене, в которой появилось нечто вроде рисунка-ёлочки. Похоже, под повязкой у зверя пряталась какая-то очередная металлическая пластина или вся эта повязка была пуленепробиваемой – чёрт его знает. Без качественного сканирования понять тут было невозможно. Зато понять, что косолапого вся эта неточная стрельба только пуще разозлила, оказалось легче лёгкого.

Издав полный биомеханической ярости рёв, косолапый

повторно ожёг Гиляровского своим жутковатым красным глазом и товарняком понёсся на него в бешеной решимости растерзать обидчика. Любой другой на месте оперативника наверняка бы бросился наутёк или как минимум попробовал отскочить куда-нибудь в сторону, не желая быть раздавленным в кровавую лепёшку, но только не Петя Танк! Не зря всё-таки сослуживцы дали ему это громкое и ёмкое прозвище - любую опасность он встречал исключительно лицом к лицу, и никак иначе. Вот и теперь мужчина фактически грудью отразил смертоносный медвежий таран, с честью принял на себя всё эти безумные тонны мохнатого веса, пусть и сдвинулся назад на пару-тройку незначительных метров. Опрокинуть Гиляя с наскока у зверя не получилось.

Что ж, попытка не пытка, видимо решил Потапыч, после чего он воинственно засопел прямо в Петино ухо и резко встал на дыбы, готовый драться с человеком как бы на равных. Да, нижние конечности, что у того, что у другого стояли металлические, то есть в этом плане у медведя и Гиляровского имелся фактически паритет, но вот руки оперативника вряд ли могли тягаться по силе с мощными передними лапами киберхищника. Так уж природой было предусмотрено ещё на Старой Земле, что косолапый в одиночку посильнее любого среднестатистического человека будет. А то и сразу нескольких.

С другой стороны, не подставляться же теперь из-за этого под его убийственные когти-сабли, правда? Петя буквально

только что отлично видел, что бывает с тем, кто пропустит даже один удар местного топтыгина, и не хотел себе такой же судьбы. Ну и вдобавок Гиляровский всё-таки не был среднестатистическим человеком. Он был трехсоткилограммовым бронированным по пояс богатырём, сил у которого вполне хватало на то, чтобы некоторое время сдерживать обе медвежьи лапы своими руками и не давать им в мясо располосовать себе лицо. А там, того и гляди, очнётся наконец-то Васька Рогов и, дай бог, хакнет уже мозги этого проклятого кибермедведя! Сделает то, для чего его и нанимали когда-то на эту работу.

Однако у хищника, кроме его смертельно-опасных лап, имелись ещё не менее опасные клыки. Чуя, что в честном поединке Петю побороть особо не получается, косолапый решил что-нибудь от своего противника откусить. Например, нос Гиляровского или кусочек его кадыкастого горла, - тут, собственно, главное достать. Зубы медведя несколько раз клацнули в опасной близости от шеи и лица оперативника, и вот против этого грязного приёма у мужчины совсем не было контраргументов. Разве что…

Действовал он очень быстро, можно сказать, молниеносно. Позволив косолапому слегка прижать себя к земле, Петя локтём хлопнул по тайной защёлке, что держала его правую ногу, после чего резко оттолкнулся назад своей левой, отсоединяя таким образом освободившийся протез. Раздался невероятный грохот – это оба борца повалились на пол, ли-

шённые нормальной опоры, и тут Гиляровский сделал нечто для зверя неожиданное: взял и изо всех ударил его лбом прямо в этот красный, горящий ненавистью глаз. Треснуло стекло, из "раны" вылетел голубой сноп искр, и визор моментально потух, ненадолго дезориентировав животное. Этих мгновений, впрочем, Пете хватило, чтобы схватить свою искусственную правую ногу и пропихнуть её медведю прямо между челюстями.

Тошнотворный хруст - и верхние клыки Потапыча сломались о прочный металл, точно хлипкие спички. А всё благодаря спасительной смекалке Гиляя, подарившей её автору минуту другую драгоценной жизни. Следующие же несколько минут мужчине подарил его напарник Васька Рогов, который пришёл-таки в себя после падения и прямо там, на обломках декораций, включился в борьбу с топтыгиным.

Вовремя включился!

Мохнатый киберзверь хоть и отвлёкся на Петин выручай-протез, но живо сообразил своими улучшенными мозгами, что настоящая цель она вон – перед носом находится, а вовсе не в его пасти, и с победоносным рыком кинулся на оперативника. Гиляровский только и успел, что приподнять свою левую ногу и изо всех сил пнуть зверя по его обнаглевшей морде в надежде остановить очередной наскок. Правда, пинок у мужчины вышел не то чтоб слишком удачным, и вот уже другой его протез застрял в зубах косолапого, и на этот раз застрял он капитально! А потом…

Потом случилось что-то непонятное. Верней, сперва-то Петя сообразил, что это Васина работа: медведь на пару секунд хорошенько так замер-завис, будто кто-то вырвал из сети шнур питания и к топтыгину перестал идти живительный ток, превратив того в натуральное каменное изваяние. Дальше мохнатый вдруг ни с того ни с сего начал резко дёргаться на одном и том же месте, морду его исказили неестественные судороги, а из разбитого глаза вновь брызнули яркие синие искры, - и всё это с ногой оперативника в зубах, которую Гиляровский хотел было поскорее отстегнуть, но проклятая застёжка почему-то никак не поддавалась. Видимо, что-то заклинило там, в соединительном механизме протеза, когда он медведя неудачно пнул или это клыки медведя освободиться мешали - сейчас было не до подробного анализа. Внутри медведя явно шла какая-то нешуточная борьба, и, судя по внешнему виду Потапыча, Васька в этой борьбе, к великому счастью, побеждал.

Или Пете показалось?

Ведь не могло же на самом деле произойти то, что прямо сейчас на его глазах происходило?! Из пустой глазницы косолапого, где ещё недавно огнём горел зловещий красный визор, вдруг вылезла какая-то тонкая бирюзового цвета нематода примерно с полметра длинной и, упав на пол, резво-резво поползла куда-то за медвежью клетку. Там, отыскав в стене торчащую на уровне земли канализационную трубу, странное существо ощупало её конец своими тонкими змее-

видными усиками и – хлоп! – в момент исчезло в недрах водостока, будто и не было его. Гиляровский даже головой несколько раз тряхнул с целью скинуть наваждение – до такой степени невероятным было то, что он секунду назад увидел. Подумать только, полуметровая нематода в глазнице! Есть из-за чего засомневаться в своём собственном ментальном здоровье.

Меж тем положение, в котором находился Петя, всё ещё оставалось подвешенным, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Сколько он не пытался освободить свой левый выручай-протез из заклинившей медвежьей пасти, ничего у него, увы, не получалось, и он продолжал глупо висеть вниз головой точно груз на кране, вдыхая прелестные ароматы немытого звериного тела. Хищник что есть мочи сжал челюсти и упрямо не хотел выпускать свою таким трудом полученную добычу, а, может, попросту не мог. Один только Васька знает, что за паразит прятался там, в голове у Потапыча, и что теперь стало с этим кибернетическим чудовищем, после того, как в его мозгах провели тотальную дезинфекцию и отрубили их от греха подальше.

А отрубили ли?

- Погоди, Гиля, - запыхавшимся голосом произнёс Рогов, направляясь к своему напарнику и доставая на ходу свой табельный лазерган. – Сейчас я эту падаль проклятую завалю, потом фастом освобожу тебя. Не ёрзай…

Договорить он не успел. Как будто почуяв своими прока-

чанными рецепторами неминуемую смерть, медведь вдруг очнулся из этой короткой и такой необычной комы, и что есть мочи рванул в сторону выхода, не разбирая дороги. Васька принялся лихорадочно палить по убегающей цели из лазергана, да куда там! Радиус поражения у его пушки был до того скромный, что через пару-тройку секунд нечего было и думать об убийстве мохнатого. С каждым новым прыжком топтыгин ускорялся всё быстрее и быстрее, и вскоре был уже далеко от цирка. И вне досягаемости для любого лазерного оружия.

А вот Гиляровский был к зверю максимально близко, но всё равно оставался беспомощнее котёнка. Пейзажи мелькали в глазах оперативника, словно картинки в калейдоскопе, мужчина в своём положении моментально перестал понимать, где верх, а где, собственно, низ, пистолет-пулемёт он давным-давно потерял.

Но это бы ещё полбеды!

Обезумевший и ослепший Потапыч бежал сейчас сам не ведая куда, и в этом своём неведении сносил почти всё, что попадалось ему на пути. Петя своим многострадальным телом задел едва ли не каждое встречное препятствие, будь то фонарный столб, электоркар на обочине или угол кирпичного дома. Кровь ручьями стекала по его рту и подбородку, попадала в глаза, уши, немного даже затекло ему в горло. Всё это напомнило витрувианцу один памятный случай на войне, когда его, ещё молодого и толком необстрелянного,

хорошо так изрешетил дрон-пулемётчик, и, не добив, оставил лежать в холодной канаве до прихода дружественного дрона-реаниматора. Мужчину совсем не ко времени накрыло чувство лёгкой ностальгии...

Очередной сильный удар о какой-то попутный объект вывел Гиляровского из полузабытья. Он вдруг вспомнил, что у него при себе имелась карманная плазменная пила, выдаваемая оперативникам специально для срезания незаконно установленных протезов. И понял - пришло время действовать!

Хоть в этом положении и было трудно, но Петя всё-таки изловчился и достал из кармана компактный складной инструмент. Одним нажатием пальца он активировал его, дождался, пока ярко-белая полоска немного разогреется и прижал инструмент к стыку между ногой и телом. Появился знакомый ему запах палёного металла, от полоски в разные стороны полетели затейливые искры, но останавливаться на этом было рано. Надавив на ручку, что есть силы, мужчина продолжал отпиливать себе протез, правда, уже по наитию. Глазами он давно ничего не видел, кровь застилала ему почти всё лицо.

Плазменный резак был хорошим инструментом, эффективным. Чтобы отпилить себе конечность, много времени ему не потребовалось. Хрясь! – и Петя кубарем покатился по тротуару под изумлённые возгласы свидетелей-прохожих. К рваным, резаным и колотым ранам добавился где-то ещё с

десяток другой ушибов и пара-тройка переломов. Слишком много острых ощущений для одного дня службы!

А Потапыч, как был с протезом в зубах, так с ним и остался. Бешенным поездом он понёсся дальше, даже не заметив потери своего невольного пассажира. Со стороны рисовалась любопытная картина: от столкновения с чем-то большим, бурым и рычащим электрокары и рекламные щиты отлетали в разные стороны, точно резиновые мечи. Событие, которое, возможно, будут обсуждать дольше, чем полдня.

“Едрёна вошь! – расстроился оперативник, лёжа на асфальте и глядя мутными глазами в кристально-чистое голубое небо. - Теперь мне за новый протез шеф стопудов полгода премии срубит, а у меня у жены юбилей и у сына скоро день рождения…. Гадом буду, отнесут меня скоро на мусорку! Чего толку с такого никакущего папки? Нет, всё закономерно. Тем более, когда их папка давно уже наполовину… вещь, - усмехнулся он своей шутке и провалился в долгожданный обморок.

Глава 5

Часы в ожидании тянулись мучительно долго. Ползун с Тютчевым засели в одной из квартир по соседству с Полининой, которая находилась в том же блоке-щупальце и по счастливой случайности была никем не занята. Замок этой временной для витрувианцев жилплощади юный спец Миша Филипчук открыл без проблем, полазив где-то с минуту-другую в общей сети дома, благо все местные замки были

исключительно электронными, и, при желании, можно было открыть хоть их все, неважно с жильцами внутри или без.

По квадратам место засады оказалась ещё меньше, чем у Илюшиной, и, будучи необжитым, буквально сверху донизу пропиталось пылью, но всё равно Рустаму тут было гораздо уютнее, чем у стримерши, где на каждой полке лежало сразу по несколько фаллоимитаторов. Что же касается его напарника, то ему на относительную тесноту и пыль, похоже, было совершенно начхать.

- Видел бы ты мою халупу, мужик, тебе бы эта элитной показалась, - сквозь зевок прокомментировал Коля и тут же завалился на диван стильного кораллового цвета, подняв в воздух целое облако пыли. – Так, я сейчас парочку часиков вздремну, ОК? От вчерашнего чё-то совсем не отошёл, такая усталость накрыла, что даже тоники мне не помогают. Ты, будь другом, подежурь пока, если не в лом, а я после тебя потом на стрёме побуду. Без меня ничего не предпринимай, понял? Заметишь что-то подозрительное - сразу буди, не менжуйся! – настоятельно предупредил его Тютчев и почти моментально заснул.

Будить старшего напарника, правда, так ни разу и не пришлось, хотя почти за двое суток в засаде он частенько брал себе перерывы на сон. Ответственный Рустам сказал бы даже, что Коля этим слегка злоупотреблял, однако делать сейчас всё равно было категорически нечего, так почему бы не прикорнуть на диванчике, в конце-то концов? В глубине ду-

ши Ползун вообще не очень-то верил в успех этого предприятия по ловле мега-осторожного преступника на стройного длинноногого живца. Скорее, он верил в то, что вся эта затея с оглушительным треском провалится. Сколько уже времени отдел Стовпенко занимается поимкой Карабасова? Полгода? Год? Может, целое десятилетие? И по их же собственным словам, они этого любителя хлыстов не то что поймать, даже засечь толком не могут, потому что все городские средства слежения либо взломаны, либо тех, кто ими заведует, попросту нагло подкупили, какие уж тут хитрые засады! "Мёртвая задумка, - решил про себя Рустам авторитетно. – Мёртвая…".

К тому же, он всё ещё плохо понимал, для чего в принципе нужен глава преступной организации в деле о беспорядках на заводе или в ботаническом саду. Хорошо, пускай он руками своих подельников продал омовц-ам незаконно прошитые протезы, с помощью которых имплантники то тут, то там устроили кровавую баню, причём накануне важнейшего для страны парада, ну так это ж не Карабасов виноват! Вернее, не только он один. Виновата вся эта порочная, прогнившая от крыши до подвала система, позволяющая свободно апгрейдить и распространять такого рода смертоносные товары. Виновата полиция, которая игнорирует все эти преступления по причине глупой вздорной гордости. Виноват "Витрувий", который из-за это же самой гордости не сумел наладить отношения с копами, в кооперации с которыми ни-

какой кровавой бани наверняка не случилось бы. Наконец, виновато само государство, которое по каким-то одному ему известным причинам затеяло бесконечную войну на своей дальней границе и наплодило тем самым мириады ветеранов, сперва лишившихся рук, ног и прочих ценных частей своего собственного тела, а после лишившихся психологической и социальной поддержки. Если уж всерьёз искать настоящих виноватых, прямых вредителей рода человеческого, так сказать, саму первопричину происходящего, то начинать с местного уголовника – только время попусту тратить. И не такими силами, разумеется, начинать-то надо было. Тут штат куда больше одного потрёпанного витрувианца и одного вчерашнего полицейского требуется. В сотни раз больше!

Примерно такими соображениями, только опустив в монологе слово "потрёпанный", Рустам поделился со своим засоней-напарником в надежде услышать от него чёткий и доходчивый ответ о смысле операции. Да и скучно ему было совсем без занятий-то сидеть, а так хоть рабочий контакт наладить можно.

- Спрашиваешь, почему? – охотно отозвался Коля, не вставая с экзотического дивана. Похоже, он, как и Рустам, тоже был не прочь почесать языком, хотя вряд ли его целью было банальное налаживание отношений. – На самом деле всё здесь предельно просто: потому что *там* этого требуют, - его палец показал куда-то наверх. - Думаешь, это идея Борисыча что ли, отловить Карабасова? Да ни в жизнь! Это

всё начальство высокое ждёт от него скорейших результатов, а шеф наш, ясен пень, ждёт их от нас, и не важно, считает он это разумным или нет. Сказано: поймать Барабаса, потому что тот незаконные игрушки омов-цам сбывает, значит, будем ловить его, деваться некуда. Тут главное полезную деятельность хорошенько так изобразить и выдать важным шишкам какие-нить результаты. Остальное – плевать. Поймаем садо-мазо Барабаса - молодцы, ребята, работаете! Выйдем через него на подпольные мастерские - ещё лучше. Стараетесь, значит, мужики, пятую точку себе рвёте. Уничтожим всю подпольную торговлю под ноль – вообще пушка-вертолёт! За такое и к награде представить могут, если что. Короче, со всех сторон, куда ни посмотри, очень красивая картинка получается. А все эти размышления на тему справедливости-несправедливости, реабилитации ветеранов, ля-ля-тополя и прочие философские бредни, - это типа не нашего с тобой ума дело. Пусть, вон, политики этим занимаются, или будущие поколения там или искусственный интеллект какой. Большинству же, в общем-то, по барабану. Такая вот ситуёвина, Рустам, складывается, понимаешь?

- Но я потому и ушёл из полиции, что там большинству было именно что по барабану, а я не мог этого выносить! – возмущённо воскликнул Ползун. – Хочешь сказать, что и у вас тут то же самое, да, и я тупо одну дрянь на другую поменял?

- Э-э, нет! - Тютчев укоризненно погрозил ему пальцем. –

Ты наше ведомство с копами не ровняй, не надо. Ты ж сам вчера был в гуще событий и видел, как мы жизни людям спасаем. Беззаветно, хочу заметить, спасаем! И плевать нам, носят они импланты фирмы "Витрувий" или нет. Для нас это не показатель. Приставила им какая-нибудь сволочь заряженную пушку к виску - мы в сторонке стоять не будем, вмешаемся. Зуб тебе даю! Хочешь, вон, у Гиляя нашего спроси, у легенды нашей железнозадой. Он за неполные десять лет службы кого тут только не спас. Памятник ему в городе уже пора бы поставить, ну или хотя бы дощечку хвалебную. Только вот хрен он когда её получит.

- Для меня будет честью с таким человеком познакомиться! – искренно признался Ползун, несколько удивлённый тем, что он до этого момента ничего ни о каком Гиляе не слышал.

Сомнения, возникшие было у него по ходу первого задания, теперь потихоньку покидали Рустама. Быть может, он не зря резко поменял место работы и перешёл служить сюда фактически одним днём. Быть может, есть ещё на свете люди, которые просто выполняют свой служебный долг безо всяких глупых предрассудков и громоздких бессмысленных правил. Он даже на Тютчева с чуть большим уважением взглянул, чем вчера или тогда, в ботаническом саду. Мужик всё-таки жизнью своей рискует через день да каждый день и рискует без какой-либо поддержки. Да, он не вышколен, как некоторые его бывшие коллеги, ходит, припадая на

правую ногу и брился в последний раз, наверно, дней пять тому назад, но он хотя бы не стоит в сторонке, когда человеку рядом грозит беда, а берёт и действует. Были бы все копы такими там, где Ползун ещё недавно работал, вряд ли он бы это место покинул так легко. Уж точно поборолся бы за него с начальством!

- Слушай, а правду говорят, что у вас в “Витрувии” есть целый живой Элдерлонг? – вдруг вспомнил городскую байку Рустам. – Или это всё чушь, народом разгоняемая?

- Ну да, есть, - равнодушно пожал плечами старший оперативник. – В этот раз народная молва тебе не соврала, хотя зачем он таком вообще врать – хрен его знает!

- И что, я когда-нибудь смогу его увидеть? – всерьёз воодушевился парень, возможно, впервые с момента начала службы в оперативном отделе.

- Ясен-красен увидишь! – хмыкнул Тютчев и, возможно, впервые за время засады, приподнялся с кораллового дивана. – Как только ещё кого-нибудь убьёшь, так сразу Борисыч тебя и пошлёт к нему на проверку профпригодности, не сомневайся. А теперь, т-с-с, тихо! – приложил он палец к губам. – Соберись! На нашу веточку птичка прилетела. Точнее даже три: какой-то мужик с заблоченным профилем и два жмурика у него в багажнике. Вон, погляди!

Коля переслал ему изображение с нескольких видеокамер блока в их общий рабочий чат, к которому Рустама подключили буквально сегодня утром. Вниманию парня был пред-

ставлен какой-то здоровенный плечистый бородач с торчащими наружу подпиленными клыками, шрамом-молнией на левой щеке и, как верно отметил Тютчев, с заблокированным личным профилем. Оценить, кто именно это был такой, какие импланты при себе имел и какие протезы на себе носил в данный момент не представлялось возможном. Зато вот определить, чем конкретно он вооружён, оказалось проще простого. Клыкастый водитель, прежде чем отправиться по своим делам, открыл багажник своего серебристого электрокара и извлёк оттуда толстую прорезиненную рукоятку со знакомым каждому копу лейблом и надписью “Razor”. Мельком сканер системы безопасности успел пометить два трупа, которые небрежно лежали друг на друге, абсолютно ничем не прикрытые. Их личные профили также оказались закрытыми для обоих оперативников, но Ползуна больше интересовали не эти два покойника, а тот бородатый наглец, кто их перевозил. Очевидно, что в гости на коралловый блок пожаловал какой-то, прям, отъявленный преступник, вдобавок ещё и убийца и совершенно беспардонный человек. Возить людские тела вот так вот легко в багажнике безо всякого минимального стеснения и боязни быть сцапанным, мог либо водитель похоронного бюро, либо неприкасаемый в рамках города лидер преступной группировки. И, судя по запрещённому в небе и на новой Земле плазменному хлысту, это был точно не первый вариант!

- Та-а-к, похоже, намечается что-то действительно инте-

ресное, – кровожадно улыбнулся Тютчев и весело хлопнул себя по родному колену. Предпринимать какие-то конкретные действия, однако, он пока не спешил. Всё больше через камеры с любопытством смотрел, да ухо своё левое почёсывал. – Ты, Рустамчик, сейчас только горячку не пари, ОК? Пока просто сидим, бородача этого пасём, пушки свои далеко не убираем. Как пойму, что надо брать Элдерлонга за усы – мигом дам тебе знак, не волнуйся. Ты, главное, вперёд батьки в пекло не лезь, как тогда, в ботаническом. Будь терпеливее! В остальном уверен, что не накосячишь.

Сказать то же про своего напарника Ползун в данный момент не мог. Ему откровенно не понравилась вся эта идея сидеть в соседней квартире и дожидаться неизвестно чего. У бородача-водителя в багажнике лежат два самых настоящих трупа – это ли не повод сразу же арестовать его и прямо тут с пристрастием допросить? Зачем вообще давать ему возможность зайти в гости к Полине, причем с таким смертоносным оружием? А если он вдруг изобьёт девушку или, чего хуже, хлыстом своим её до смерти замучает? Они ведь могут попросту не успеть спасти стримершу и получат ещё одно мёртвое тело вдобавок к той парочке в машине. Нет, Колин спокойный поступок на взгляд нетерпеливого Рустама был очевидной тактической ошибкой!

Между тем клыкастый и вправду отправился туда, где человека с подобной внешностью давно уж поджидали. По договорённости с Тютчевым Полина, в случае, если её аноним-

ный шейх вновь попросит девушку о личной встрече во время стрима, должна непременно согласиться на неё и скинуть ему в закрытом чате свой домашний адрес. А чтобы этот любитель онлайн-эротики ни в коем случае не соскочил, красотке всего-то и нужно делать то, что у неё лучше всего выходит – раздеваться на камеру и возбуждать мужчин всякими разными игрушками, благо их у неё имелось великое множество.

Кончено, операция "ловля живца" не гарантировала ребятам успех. На встречу мог приехать вовсе не контрабандист Карабасов, а кто-то другой, или он мог приехать через неделю-другую, потому что сильно занят и у него какие-то преступные дела, а есть ли эта самая неделя у Стовпенко и оперативников – большой-большой вопрос! Зритель-шейх и вправду задонатил Полине на встречу ещё вчера вечером и даже написал в приват-чате "готовься к порке", однако до последних минут было толком не понятно, сработал всё-таки этот хитрый план или нет. Теперь же, когда некто похожий на Карабасова стоял возле квартиры Полины и звонил в её домофон, стало очевидно – Сергей Борисович знает, что делает и точно не зря заведует оперативным отделом "Витрувия". Хотя сам Рустам в старике не то чтобы сильно сомневался.

- Чёрный властелин 666? – услыхал он кокетливый Полинин голос. Звук с дверного микрофона, как и с трёх других, что были спрятаны в квартире, шёл ребятам напрямую в на-

ушник для полного контроля над ситуацией. О микрокамерах и говорить было нечего – ими был утыкан едва ли не каждый сантиметр окружающего пространства.

- Он, лапуля, он, - подтвердил хриплый басовитый голос предположительно Карабасова. – Впустишь что ли?

- Входи! – разрешила хозяйка и открыла дверь в свои секс-чертоги.

На месте девушки Рустам никогда бы не пустил этого сомнительного двухметрового типа на порог своей квартиры, предварительно как следует не вооружившись, но бывшая витрувианка была явно не робкого десятка. По правде говоря, парня просто поразило самообладание этой хрупкой гирляндоволосой стримерши, которая заранее прекрасно знала, что они вовсе не безобидного интернет-тролля тут ловят, а целого бандита-извращенца, и всё же не отказалась встретить бородача лицом к лицу. За несколько лет работы в полиции Ползуну доводилось встречать отчаянно храбрых мужиков, иногда он даже себя к ним скромно относил, но вот чтоб девиц – никогда! И не важно, что оперативники сидят в двух шагах по соседству и вроде бы Полину охраняют. Заподозри Карабасов ловушку, он может легко и, что вероятно, почти моментально сделать из одной хозяйки две аккуратно разрезанные половинки, пока её защитники изо всех сил спешат к ней на помощь. Запрещённый в небе и на Новой Земле плазменный хлыст и не такое, при желании, позволял.

- Ну, чем займёмся, крепыш? – вновь закрутила своим фи-

гуральным хвостом девушка. – Может, возьмешь одну из моих кожаных плёточек там, на полке, и хорошенько отшлёпаешь меня, как вчера в чате обещал? Ты задонатил столько коинов, что хоть всю ночь можешь эту кошечку ласкать, я не скажу тебе стоп, - здесь она соблазнительно провела своей рукой снизу вверх по своему телу, как бы подчёркивая этим движением то, за что именно бородач накануне заплатил кругленькую сумму.

- Конечно, отшлёпаю, малышка, не сумлевайся! – прохрипел неприятный гость и губы его расплылись в нехорошей плотоядной улыбке. – Только не этим твоим пёрышком для детсада, я ж не онанист какой-нибудь. У меня тут есть кой-чего посерьёзней, козочка. Вещица, от которой мы стопроцентов кайфанём!

С этими словами он достал из внутреннего кармана куртки уже знакомую ребятам прорезиненную рукоятку и что-то на ней со знанием дела подкрутил. Раздался электронный гудящий звук вперемежку с нарастающей вибрацией, который спустя пару мгновений начал плавно перетекать в громкое неровное шипение. Из рукоятки змеёю полезла ослепительно-белая искрящаяся полоса и буквально на глазах стала расти и утолщаться, превращаясь в тот самый запрещённый хлыст, одно владение которым на этой планете уже считалось уголовно-наказуемым деянием.

- А ты всё ещё одета, моя сладкая? – мерзко хихикнул бородач и мастерски перекинул хлыст из одной руки в другую.

- Ну-ка давай, снимай свою маечку поскорей, не заставляй Властелина ждать! Я похлеще моего приятеля уже разгорелся. Устроим-ка мы, лапуля, тройничок!

Полина ожидаемо не спешила воплощать фантазию о тройничке в реальность. С появлением на сцене плазменного хлыста стало очевидно, что игры в рыбку-наживку внезапным образом закончились, и ситуация приняла крайне волнительный, опасный оборот. Даже если этот тип активировал начальный, самый слабый режим на своей смертоносной плётке, кожи на спине девушки точно не поздоровится! И это ещё при ласковом "поглаживании". При жёстком кожа после такого хлыста сходит сразу с мясом.

-Убери эту дрянь, пожалуйста, - глухо попросила стримерша. Её лицо теперь было до предела серьёзным, а движения осторожными и скованными. Ни капли от той игривой кошечки-соблазнительницы, которой она была, кажется, всего лишь один миг назад. – Я с плазмой не балуюсь, крепыш, не мой прикол. Это тебе к треш-стримерам надо. Они снафф-порно практикуют. А я разве что свечным воском могу по...

- Будешь делать, что *я* тебе скажу, сучка! – грубо оборвал её бородатый. – Я тебе сказал снимать одежду, значит, снимай быстро, поняла?! Иначе я тебя сейчас простимулирую бодрым образом. Властелину не нравится, когда рабыни медлят, – пригрозил он и подкрепил свою угрозу действием, стеганув девушку хлыстом по руке.

Полина взвизгнула и резко попятилась назад, пытаясь

максимально отдалиться от жалящей не на шутку плётки, однако далеко у неё отойти не вышло, и вскоре она спиной уткнулась в стену комнаты. Своё обожженное предплечье бедняжка бережно прикрыла ладонью, на левой щеке у неё заалела ярко-красная полоса, - похоже, и до лица стримерши проклятый кнут тоже дотянулся. Но что хуже, Властелин 666 на этом останавливаться не собирался и отвёл своё плечо для нового замаха.

- Погоди, погоди!! – лихорадочно замахала руками загнанная в тупик хозяйка. – Я сниму майку! Сниму! - раздалось в наушниках её еле слышное обещание. - Только не надо больше.… Пожалуйста!

Ползун нервно заёрзал на стуле и изо всех сил сжал свои увесистые кулаки. В отличие от Тютчева, парень не мог спокойно наблюдать, как несчастную Полину в соседнем помещении лупцует хлыстом какой-то обнаглевший бородач. От такого зрелища пальцы у Рустама так и тянулись к табельному лазергану, который ему выдали вчера незадолго перед заданием. Какого, думал он, чёрта, этот ленивый хромоножка продолжает сидеть на диване и ничегошеньки не делать? Его бывшую коллегу и, что важнее, девушку, в двух шагах от него истязают словно римскую рабыню, а он даже пальцем не пошевелил! Только нахмурился немного, да руки в замочек сложил, - вот, собственно, и вся забота.

Взгляды ребят внезапно пересеклись.

- Не вздумай! - попытался было остановить его Коля, но

Ползун больше своего напарника не слушал.

Сжимая рукоятку лазергана точно карательный инструмент, Ползун стрелой вылетел из места засады и, спустя мгновение, был уже на пороге Полининой квартиры, дверь в которую, по счастью, оказалась не заперта. Он знал, где находится та самая стримерская комната, она же по совместительству спальня, поэтому без малейших колебаний поспешил туда в намерении отстрелить Властелину что-нибудь пониже живота. Оружие он твердо держал перед собой и даже старался не моргать до тех пор, пока в прицеле не появилась облысевшая макушка двухметрового любителя садо-мазо.

Резкий взгляд в сторону стены с целью проверить, как там Полина, и челюсти Рустама хрустнули от ярости. Девушка стояла сейчас топ-лесс спиной к бородачу в позе побитой провинившийся зверушки, её нежная белая кожа была наискосок обезображена свежей кровавой полосой, а на её правом плече красовался не менее кровавый "погон", - результат работы плазменного хлыста в деликатном, щадящем режиме. Только что поводов испепелить вероятного Карабасова стало ещё на один больше.

- Брось Разор, погань, и медленно отойди в сторону! – заорал парень что есть сил, с трудом сдерживая себя от того, чтобы не нажать на курок. – Даю тебе ровно пять секунд, ублюдок, потом стреляю на поражение. Пять, четыре, три…

Удивительно, но бородатый даже не вздрогнул. Он как будто ждал, что в комнату, где он учинял садо-мазо непо-

требства, залетит какой-то представитель закона и начнёт угрожать его расстрелять. По крайней мере, спокойное поведение Властелина говорило именно об этом.

Без резких движений он медленно повернулся к Ползуну, наградив того хамской презрительной ухмылкой, и действительно отбросил в сторону свой хлыст, который уже в воздухе престал гудеть, искриться и шипеть, и на пол упала только старая знакомая рукоятка из прорезиненного материала. Видимо, оружие это активировалась только по отпечатку пальца своего непосредственного владельца, и, если его отлучить от хозяина, оно временно не работало, - Рустам слышал что-то такое на лекциях в академии. А вот этого он услышать никак не ожидал:

- Пой, ласточка, пой. В мире пахнет весно-ой, - не заговорил, а запел вдруг бородач практически стихами. С места он всё это время не двигался ни на миллиметр, но Ползун, как человек опытный, и не думал расслабляться. Бывал он уже в подобной ситуации и не раз, чуял, что садомазохист легко ему точно не сдастся. Если не в перестрелке, так в ближнем бою непременно сопротивление окажет. Ну, ничего, посмотрим ещё, кто кого!

- Полина! – позвал он девушку обеспокоенно. – Ты как там, нормально? Идти сама сможешь?

- Да отлично всё с ней! – ответил за неё обнаглевший истязатель. – Сучка любит, когда её по спинке ремешком гладят. Просто кайфует от этого, верно, крошка? - подмигнув,

добавил он и премерзко захихикал.

- Заткнись, мать твою! – заорал на него Рустам. – Я тебе разрешал пасть открывать, тварь?! Не бойся, Полин, иди ко мне, я его на мушке держу…. А ты – стой, где стоишь! Двинешься, падаль, я тебе член отстрелю, понял? – пригрозил он ему вновь, теперь уже более конкретно.

- Да, понял, я понял, - не унимался никак бородатый и хищно проводил глазами девушку, которая быстро-быстро засеменила в сторону Рустама. – Только я вот одного пока не пойму: а почему ты, братец, пришёл один?

В эту самую секунду стримерша испуганно ойкнула и как вкопанная остановилась на полпути к парню, словно перед ней возникла невидимая стена. Ползун хотел было поторопить девушку, чтобы она не стояла, как дурочка между ним и Карабасовым, но поймал её встревоженный взгляд и сам ненароком вздрогнул. Похоже, в коридоре за его спиной сейчас находился кто-то ещё, причём вошёл этот кто-то очень тихо и, судя по лицу Полины, был явно не Тютчевым, иначе с чего бы ей вдруг так пугаться?

Ответ Рустам получил практически мгновенно, когда ему в макушку грубо уткнулось что-то твёрдое, а хриплый голос ласково произнёс:

- Брось пушку, гнида, если не хочешь, чтоб твои мозги размазались по стене.

Ничего не поделаешь, пришлось выполнять. Голова – это вам не руки или ноги. Так просто её на искусственную не

поменяешь.

- О'кей, О'кей, бросаю! – подчинился он.

Ползун хорошо понимал, что будет дальше: его будут бить и, вероятно, довольно сильно. Такие товарищи, как этот Властелин 666, любят на ком-нибудь поразмяться, будь то хлыст или собственные кулаки.

И действительно, не успел ещё лазерган коснуться пола, а хлыстовик был уже тут как тут и со всей мощи врезал парню кулаком в живот, вынудив того натурально согнуться от боли. Затем один из подручных бородатого завёл Рустаму руки за спину и надел ему на запястья наручники, а второй подошёл к брошенной пушке оперативника и с интересом подкинул её на ладони. Это почему-то вызвало у преступника приступ издевательского смеха.

- П-ф-ф, ну и пукалки же вам, распятым, выдают, канеш! – весело подытожил он, убирая пушку Ползуна себе в карман куртки. – Такой разве что в упор кого-нибудь грохнешь, и то, знаешь, если, прям, сильно постараться. Взгляни, Ремень, ну что за фуфел! – это уже бородатому. – Паренёк, можно сказать, голыми руками тебе угрожал…. Ты что, совсем что ли отбитый, а, дружище? – это снова витрувианцу.

- Да они, бл*, там все в этом "Витрувии" отбитые! – ответил за него садомазохист и присел на корточки, чтобы подобрать свой потухший хлыст. – Ходят в одну каску с какими-то говнострелами, суют свои носы везде, уважаемым людям только мешают... А, может, Поль, это твой пахарь-тра-

харь? - пришла ему в голову внезапная идея. - Или фанат какой-нибудь ревнивый, что скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.